

НАТАЛЬЯ
АНДРЕЕВА

МОЛОХ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Андреева

MoLox

«Автор»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

MoLox / Н. В. Андреева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-17-118704-0

Во время санации крупного банка его сотрудник Андрей Бобров помогает хозяевам украсть у государства огромные деньги. Чтобы не оказаться под следствием, Бобров на время уезжает в провинциальный Чацк, где устраивается на работу в филиал банка «Счастливый». Но вскоре из клиентских ячеек начинают загадочным образом пропадать крупные суммы. Бобров опасается, что, памятуя его криминальное прошлое, в кражах обвинят его. Единственный способ не попасть под подозрение — самому найти вора. Банк тоже озабочен своей репутацией и присылает из Москвы ревизора, миллионера и большого любителя хорошеньких женщин Василия Квашнина. По приезде в Чацк тот начинает домогаться невесты Боброва. Девушка понимает, что такой шанс упускать нельзя. Лучше стать любовницей миллионера и уехать в Москву, чем женой какого-то провинциального клерка. А тут еще вор, испугавшись прессинга, начинает убирать сообщников. По мотивам повести Куприна «Молох».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118704-0

© Андреева Н. В., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Андреева

MoLox

По мотивам повести Александра Куприна «Молох»

* * *

«Расслабься, Бобров. Выдохни и расслабься. Ты член общества: ты служишь, у тебя оклад плюс бонусы, у тебя ипотека и машина в кредит, значит, ты существуешь», – он подмигнул своему отражению в зеркале. Пора было ехать на работу.

Андрей Бобров знал, что во многом он не такой, как все, и уж точно не такой, каким положено быть мужчине. Слишком уж чувствительный. Напишет кто-нибудь коммент к его посту, вроде и не обидный, но Бобров тут же начинает искать подвох. Кажется ему, что писавший хотел его, Андрея Боброва, задеть, обидеть, унижить. На такие комменты нет смысла отвечать, но Бобров весь день только об этом и думает. Что бы он ни делал, мыслями все равно возвращается к мнимому обидчику, накручивает себя, и к вечеру взрывается. Разражается гневным постом, на полстраницы, где выплескивает душу, словно младенца, вместе с грязной водой. И куда? В инет! В Дзен какой-нибудь, в эту клоаку, или в Инсту. Где нежную Бобровскую душу начинают полоскать в помоях, и ржать над этим.

На следующий день Боброву становится стыдно за свой порыв, он бросается удалять пост, а там уже накидали комментов! Еще злее и обиднее. И вот с неделю Андрей ходит потерянный, кипит, не может нормально работать.

На вопрос:

– В чем дело? – огрызается:

– Ни в чем.

Потому что стыдно признаться. Ведь и в самом деле ничего же не случилось. Люди, которых он в глаза не видел, и никогда не увидит, подумали, что он дурак или психопат. Ну и что? Как изменится от этого жизнь Андрея Боброва? Да никак. Умом он это прекрасно понимал, но поделать с собой ничего не мог. Все равно кипятил. Боброву иной раз казалось, что он уникум, родившийся без кожи. Его тело – голый красный кусок мяса, по которому можно изучать сосуды, сухожилия и нервные окончания. В особенности, нервные окончания, из которых Бобров, похоже, весь и состоит. Потому что ему все время больно. Его душе. И еще он чувствует, когда надвигается катастрофа.

Вроде бы ничего не происходит, вот как сегодня. Барометр показывает сухую солнечную погоду. На небе ни облачка. Фигурально, конечно, потому что на дворе зима. Но Бобров невольно ежилась именно сегодняшним прекрасным утром, бреясь перед зеркалом. Втягивал голову в плечи, словно панцирь черепаший примерял, высунул язык, нет ли налета или покраснения, на предмет простуды и дважды порезался. Потому что *чувствовал*: грядет ... опа. Это случится не сегодня, так на днях.

Бобров потому и не женился. Современные девушки постят и лайкают направо и налево. Все они уткнулись в смартфоны. И ни одна не поймет его терзаний.

– Ты псих, да?

Именно такой реакции он и ожидал, когда дело дойдет у них с избранницей до близкого знакомства. В постели, когда тела насытились, наступает, как известно, момент откровений. Если, конечно, эта связь не случайная и планируется продолжение. А женитьба – это ничего себе продолжение!

Был бы Бобров при этом красавец писанный, или олигарх. Тогда бы женщины могли ему многое простить. Но внешность у Андрея была заурядная. Невысокого роста, худощавый, пепельный блондин, глаза серые. Да еще и лицо ассиметричное, что можно было бы отнести к недостаткам внешности: правый угол рта выше левого и разные зрачки. Один, левый, всегда почему-то больше, и оба расширены. О причине умолчим. Надо же такому чувствительному человеку как-то снимать стресс? Невозможно ведь жить без кожи.

По-настоящему хорош был у Боброва только лоб: высокий, белый, чистый. Поэтому Бобров не носил головного убора, даже в лютый мороз. Все эти кепки, шапки, бейсболки, презираемые им и раз и навсегда отвергнутые. Он отращивал волосы, но так, чтобы не выглядеть бродягой. Во избежание конфликтов на работе. А работал он в банке. Бобров зачесывал пряди назад, чтобы они падали эффектной волной по обе стороны его худого лица с ассиметричным ртом. Это вошло у Андрея в привычку: в минуты волнения запускать руки в волосы и раскладывать их вдоль впалых щек, словно рисуясь. Хотя делал это Бобров машинально.

Вот и сегодня, он сел в машину и первым делом разложил и разровнял волосы. Потому что нервничал. Его внутренний барометр показывал бурю. Боброву лет пять назад повезло, точнее, он сам себя повез, куда хотел. Оформил в банке, где работал ипотеку и купил квартиру практически рядом с местом работы. Куда все равно предпочитал ездить на машине. Мысль о том, что ему, человеку без кожи, придется тереться в метро или в троллейбусе о других людей, у которых в отличие от Боброва кожа есть, и толстая, приводила Боброва в ужас. Даже пару остановок он не мог помыслить, что кто-то начнет дышать ему в затылок, жевать над ухом, сопеть и сморкаться. А не то хамить. Еще бесили бабки, которые утром, в будни куда-то перлись. Они всегда перлись, но бесили больше по будням. По утрам, а особенно, по вечерам. Боброву хватало двух бабок, чтобы взорваться. Его оголенные нервные окончания начинали шевелиться, как щупальца у ядовитой медузы, но вместо того, чтобы насмерть жалить бабок, жалили, чуть ли не до смерти самого Боброва. Так что он почти умирал в этом вагоне метро, или в битком набитом троллейбусе.

Еще он ненавидел людей в зеленом и желтом с их квадратными рюкзаками, тоже зелеными и желтыми. Ненавидел, когда они везли клиенту пиццу. Их все ненавидели, эти пахнущие пиццей рюкзаки, но Бобров их ненавидел особенно. Ему казалось, что они именно его выбирают своей мишенью, стараются придвинуться к нему вплотную и пахнуть. Когда Боброву сказали, что пиццу стали возить в контейнерах, которые не пахнут, он не поверил. Подумал, что его заманивают обратно в троллейбус, чтобы окончательно убить его и без того чувствительную нервную систему.

А у банка была парковка для сотрудников, и Бобров был в банке на хорошем счету. Ему легко прощали опоздания, и даже прогулы, которыми Бобров, впрочем, не злоупотреблял.

Его непосредственный начальник, Карен, был его другом. Они вместе учились, но Бобров с его чувствительностью всегда легко уступал лидерство. К тому же у Карена был в банке блат. Один из акционеров был его родственником и земляком, понятно, что Карена двигали. Бобров прицепился к нему вагоном и тоже поехал.

Его все в жизни устраивало.

«Я член общества, я служу, у меня ставка», – повторял он, как заведенный, цитату из «Золотого тельца». Хотя до Остапа Бендера Боброву было далеко. Да что там! Бобров совершенно не годился в авантюристы. С его болезненной чувствительностью и волосами, которые он все время раскладывал. Но зато у него был Карен. Который, едва Бобров вошел к нему в кабинет, с похоронным видом сказал:

– Банк, похоже, скоро ляжет. Поэтому работаем по схеме.

Бобров похолодел. Он понял, что настало время платить долги. Карен не просто так его двигал. Бобров был *свой человек*. А свои люди должны отработать номер. Процедура банкротства вещь неприятная, но и на ней, умеючи, можно нажиться. Бобров знал, что ему придется

стать «погонщиком», они с Кареном это обговаривали. Не обговаривали только размер вознаграждения. «Не бойся, не бросим», – вот все, что обещал Карен, когда объяснял Боброву схему увода миллиардов из подлежащего санации банка. Бобров на миллиарды не претендовал, но понимал, что за такие вещи полагается уголовная ответственность. Схема была криминальной. И хотя Карен всячески заверял, что «доказать ничего не возможно», Бобров все равно ежился, когда это слушал. Его тело без кожи сплошь кровоточило. Оголенные нервы искрились, словно говоря: «Не лезь в это. Откажись».

Но отказаться было невозможно, поскольку Карен был его другом и много для Боброва сделал. В частности, Карену Андрей был обязан низким процентом по ипотеке и льготными условиями в получении кредита на машину. Проще было сказать, чем Бобров был Карену не обязан. Поэтому он кивнул и согласился, в надежде, что банк никогда не ляжет.

А банк взял, да и лег. То есть, собрался ложиться. И собрался он это делать всерьез, так что Боброву пришлось напрячься.

... – Живей, живей, пошевеливайтесь, – охрипшим от волнения и усталости голосом командовал Карен.

За эти три дня он осип, потому что все время командовал и покрикивал. Не на Боброва, хотя и тому доставалось. На бестолковое «стадо», которое надо было прогнать через банк, чтобы ограбить государство на пару миллиардов.

Операционный зал в эти дни был похож на прядильную фабрику. «Многостаночники», эти нанятые на пару дней банковские клерки, смахивающие на огромных пауков, носились на своих паучьих лапках, будто ошпаренные, от столов к принтерам, распечатывающим документы, и обратно к столам:

– Подпишите здесь... И здесь... И вот здесь...

– Подпишите...

– Подпишите...

Бобров на эти дни стал их начальником, главным «пастухом». В его «стаде» было больше двух тысяч голов. «Верблюдов» подвозили автобусами. В основном это были азеры, но встречались и маргиналы с испитыми славянскими лицами. Вконец опустившиеся люди, некоторые даже москвичи, от которых дурно пахло, точнее воняло. Бобров загонял их в операционный зал, стараясь не дышать, и не думать о том, что он делает. Он платит долги. Ипотеку, кредит за машину. Такая цена. Выдохни и расслабься.

Банк уже решили санировать, и скоро здесь начнется масштабная проверка ЦБ, который посадит в банке свою администрацию. Грабить государство можно и при ней, подсовывая так называемые «тетрадки». Отвлекающий маневр. «Тетрадки» – это забалансовые списки обманутых вкладчиков. Пока временная администрация с ними разбирается, «караваны» собирают деньги.

– Здесь подпишите... И здесь...

– Подпишите.

Больше «верблюдов» – больше денег. Надо открыть как можно больше фиктивных депозитов. На балансе у банка кот наплакал, но благодаря этой схеме во время процедуры банкротства его акционеры получают сотни миллионов, а может, и миллиард-два. Все зависит от ловкости Карена и Боброва, и их работоспособности. После отзыва лицензии все эти «верблюды», фальшивые вкладчики ломанутся с документами на руках в АСВ. Полученные деньги они сдадут «пастухам», а сами получают незначительное вознаграждение. Потому что они «верблюды», лохи, половина из них плохо говорит по-русски, и уж точно никто из них не понимает, что именно подписывает.

– Подпишите здесь...

– Подпишите... и здесь...

– Подпишите... – шелестело по операционному залу.

У Боброва невыносимо болела голова, тело было похоже на одну сплошную рану и саднило. Болело под мышками, болели ноги, болели глаза, будто на них постоянно давили пальцами. Боброву порою казалось, что он слепнет. *Он не хотел всего этого видеть...*

– Сынок, мне бы соточку, на опохмел.

Тетка со слезящимися глазами и дрожащей нижней губой протягивала к нему руку с грязными обломанными ногтями. Она только что «открыла вклад» на десять миллионов рублей. Потому что русская, москвичка, документы и прописка в порядке. Соточку на опохмел. Бобров полез в карман.

– Не вздумай, – бросил на ходу Карен. – Одной дашь – все повалят. Бабушка, потом, все потом, – сказал он тетке, которой по паспорту было сорок восемь лет, отведя руку Боброва с соткой. – Потом все будет.

Боброву который давно перестал считать, сколько денег он должен передать Карену после того, как схема будет отработана, тоже так сказали: потом все будет. Не сказали только, что такое все, в каких цифрах оно выражается?

«Я-то пастух», – думал он, глядя на суету в операционном зале. – «Мне-то заплатят нормально. Я член общества, у меня ставка».

... Настоящая зима пришла неожиданно, со снегом, и даже с морозами. Замотанный Бобров вдруг вспомнил, что через неделю Новый год. На работу можно было больше не ходить, в кабинете Боброва сидел временный сотрудник, подозревающий хозяина этого кабинета абсолютно во всем. Бобров не мог встречаться глазами с этим парнем лет двадцати пяти, который ничего еще о жизни не знал, а, может, и не узнает никогда. Сидит в чужом кабинете, смотрит честными глазами, осуждает.

«Я сам себя осуждаю», – думал Бобров. «Но мне надо как-то жить».

Он понимал, что украли так много, что история эта получит огласку. А банковская система – одна большая деревня. О схеме все узнают, и о том, кто ее провернул тоже. Когда Бобров придет устраиваться на работу в новый банк, о нем там все уже будут знать. Поговорить поговорят, чтобы удовлетворить любопытство. А, это тот самый ловкач Бобров... А вот на работу возьмут вряд ли. Хотя, кто знает? Может, им именно такие и нужны? Ловкачи.

Бобров понимал, что пора поговорить с Кареном, но боялся этого. Пора бы расплатиться. Поэтому когда Карен на ходу бросил ему:

– Зайди, – Бобров похолодел.

Стрелка его внутреннего барометра скакнула и показала «жопа». Она бы и дальше упала, эта чертова стрелка, но такой жопы, в которой он оказался, Бобров себе и представить не мог. Фантазии у него на это не хватило бы.

– Как дела? – хрипло спросил он, присаживаясь к столу, за которым сидел Карен.

Того уже тоже замещали, но из кабинета почему-то не выгоняли. Сотрудники ЦБ ходили к Карену консультироваться со своими «тетрадками», и Карен важно объяснял им, что вот он, электронный реестр, с ним и работайте. Этот реестр они состряпали вместе с Бобровым, он был насквозь фальшивым, как и улыбка Карена. При этом сам Карен жаловался, что давно уже не получает в банке зарплату, просто ему дорого его честное имя.

Бобров при этих словах ежилась и смотрел в окно, где кружила первая метель. Он понимал, что его и самого закружило, он одна из этих снежинок, которая растает, если пригреет солнце. И каплей сползет по стеклу туда, где темно и сыро. Возможно уже навсегда.

– Здесь мы закончили, – деловито сказал Карен, открывая толстую папку. Бобров с ужасом подумал, что в папке его личное дело.

Но Карен отложил папку в сторону и посмотрел, наконец, на Боброва:

– Хорошая новость: твой долг списан.

– Какой долг?

– По ипотеке. Банк ее закрыл. Остался долг за машину, но ты же понимаешь: не все сразу.

- А плохая новость? – замирая, спросил Бобров.
- Ты засветился, Андрей. Тобой заинтересовался Следственный комитет.
- Меня никуда не вызывали, – хрипло сказал он.
- Пока не вызывали, – Карен нажал на «пока». – В общем, тебе надо уехать.
- Куда? – упавшим голосом спросил он.
- «Бежать... За границу... Но что я там буду делать? У меня даже нет сбережений... только долги».
- У одного моего родственника есть частный банк средней руки.
- Сколько же у тебя этих родственников? – горько спросил Бобров. – Вся армянская диаспора?
- Угадал, – Карен откинулся на спинку кресла. – У банка несколько филиалов в провинции, один из них в Чацке.
- Где?!
- Город есть такой. В тамошнем банке освободилась должность начальника валютного отдела. В их дыре... Я хотел сказать, в провинции трудно найти специалиста по валюте. А у тебя образование, стаж, опыт работы, – в голосе Карена Бобров уловил насмешку. – Короче, должность твоя. Езжай в Чацк и отсидись там годок-другой.
- А ты, как я понимаю, сядешь в московский офис, – с усмешкой сказал Бобров.
- Радуйся: я по-прежнему буду твоим начальником. Буду тебя двигать.
- Где? В Чацке? – горько спросил он.
- Это неплохой вариант. В провинции жизнь спокойная, подлечишься, женишься, наконец. Зарплата у тебя будет небольшая, но ты сдашь свою московскую квартиру и заживешь в Чацке как король. Долг по ипотеке тебе погасили, – напомнил Карен. – Начальник валютного отдела в банке – это звучит. Да местные красавицы в очередь выстроятся, чтобы тебя заполучить. Выбирай – не хочу.
- Ты решил устроить мою личную жизнь? – зло спросил Бобров.
- Андрей, или так или никак, – жестко сказал Карен. – Выбирай.
- «Они хотят убрать меня с глаз долой. Спрятать от Следственного комитета, потому что я не боец. Если на меня нажмут, я все расскажу».
- Где хоть находится этот ваш Чацк? – горько спросил Бобров.
- Твой, Андрей. Теперь твой. Восемьсот километров от Москвы.
- В какую сторону?
- В любую.
- Шутишь, да?
- Я сам точно не знаю. Где-то там, – Карен махнул рукой в сторону окна.
- Когда надо ехать? – сдался Бобров.
- Чем быстрее, тем лучше. В банке тебя ждут.
- Им так нужен специалист по валюте?
- Угадал.
- «Это вам нужно, чтобы я поскорее свалил». Он прекрасно все понимал. Понимал, что надо отказаться и пойти к следователю. Надо сдать их всех и сесть. За сотрудничество с правоохранительными органами срок ему скосят.
- Бобров с ужасом представил тюремную камеру, вонь параша, уголовников, которые попытаются его изнасиловать. Он почему-то был уверен, что именно так все и будет. И что в тюрьме он покончит с собой, потому что не выдержит всего этого. Не выдержит издевательств. Чацк тоже тюрьма, но там хотя бы не будут насиловать, и можно избавиться от вони. Не тереться телом без кожи о других людей, не нюхать их в автобусе, потому что можно ездить на машине.
- Дай мне пару дней, – сглотнув ком в горле, сказал он Карену.

– Пару дней, не больше. И вот еще что, Андрей... Ты бы расстался с «кокосом». Не поймут.

– Что, в провинции нет наркотиков? – огрызнулся он.

– Полно, но они другого качества. А тут ты со своим деликатесом. Пора менять привычки.

– Ты меня воспитываешь, что ли?

– Совет даю. Я за тебя переживаю.

– Ой, ли, – и Бобров направился к двери.

Карен тяжелым взглядом смотрел в его спину. Бобров мог бы потребовать за оказанную услугу долю. Но не потребовал. Карен и раньше его не уважал, а теперь думал: «Туда ему и дорога».

Мужик должен уметь за себя биться. А Бобров не мужик, а тряпка. Он уедет в Чацк и не вернется. Можно считать, что Боброва больше нет. Кому нужны друзья, которые живут за восемьсот километров от столицы, в каком-то Чацке?

Ночью Бобров не мог уснуть. Он мучился тем, что необходимо сделать выбор. Уехать в провинцию, в неизвестность, или пойти к следователю. Бобров не умел жить в провинции, он никогда там не был. Разве что в деревне у бабушки, но эта деревня была в Московской области. Ее границ Бобров ни разу в своей жизни не пересекал. Отдыхать он ездил за границу, в крайнем случае, в Сочи. У него все было хорошо до сегодняшнего дня. Он прекрасно понимал, что его кинули. Что он должен наказать обидчиков, того же Карена. Но не готов был принести жертву. За Кареном стоит диаспора, за Андреем Бобровым никого. Они его сомнут, растопчут, доведут до самоубийства. Сделать это несложно.

Промучившись до трех часов ночи, Бобров расхрабрился.

«Завтра я пойду к следователю», – решил он, и наконец-то заснул.

Утро Бобров начал с того, до одури нанюхался кокаина.

На следующий день он поехал в Чацк, поклявшись себе, что наркотой баловаться бросит. И вообще начнет новую жизнь.

Полтора года спустя...

Глава 1

«Слава богу, скоро лето», – думал Бобров, бреясь утром перед зеркалом опасной бритвой. Электрические он так и не полюбил, предпочитая скрести свои впалые щеки почти затупившейся сталью, и испытывая от этого мазохистское наслаждение. К лету его настроение заметно повышалось. А он уж было подумал: не доживет.

С кокаином он завязал, или почти завязал. После того, как в его жизни появилась Нина, Бобров перестал себя стимулировать искусственно. Свою любовь к жизни, которая прежде, в Москве, нуждалась в кокаине.

В Чацке ему не нравилось, да и не могло понравиться. И если бы не Нина... При мысли о ней рука у Боброва дрогнула и на щеке появился порез. Закапала кровь, которая у Боброва плохо свертывалась, и он с досадой открыл шкафчик, где лежала перекись водорода. Вот так, промакивая ваткой кровь и думая о Нине, он и отправился на работу.

Банк, в который его сплавил Карен, носил идиотское название: «Счастливый». Потому что счастливых людей в этом банке Бобров ни разу не видел, ни клиентов, ни сотрудников. Клиенты вечно были недовольны: тем, что с них за все дерут комиссию, медленной работой операционистов, потому что сеть все время подвисала, а еще больше медлительностью кредитного отдела, который был похож на медведя в зимней спячке. Его невозможно было поднять даже ором, так сладко он сосал лапу, не торопясь пробуждаться для того, чтобы рассмотреть очередное заявление о кредите. Чацк был по уши в долгах, и вешать на себя новые невозвратные кредиты банк не спешил. Клиенты ходили злые и хмурые, требуя к себе начальника отдела кредитования, который, похоже, изобрел шапку-невидимку. Бобров быстро всех запомнил в лицо, а вот в кредитовании терялся. Там, похоже, прятались ото всех, даже от своих сотрудников. Которые тоже были по уши в долгах.

Что касается самих сотрудников, то банк «Счастливый» был частным, и условия работы в нем драконовские. Боброва называли блатным и сторонились. К тому же он заведовал валютой, чего никто себе в Чацке позволить не мог. Квалификации не хватало. Квалификации у Боброва было с избытком, а еще крутая машина, которая в Москве ему вовсе не казалась крутой. Но здесь, в Чацке, Бобров оказался чуть ли не инопланетянином. Со своей акающей речью, машиной за полтора ляма, съемной квартирой-студией и любовью к Нине Зиненко, которая явно выделяла его среди своих поклонников, коими были, чуть ли не все мужчины Чацка брачного возраста.

Нина была Мисс Чацк, то есть, коронованная принцесса, и на прошедшем недавно конкурсе красоты ей досталась не только фальшивая «бриллиантовая» диадема, но и аж три ленты: «Мисс Чацк», «Самая обаятельная» и «Приз зрительских симпатий». Двадцатилетняя студентка педагогического института по праву считала Чацк своим королевством. Здесь ей служили, здесь в нее верили, здесь ей поклонялись.

Все ждали, когда же они поженятся, Бобров и Нина, и где будут жить после свадьбы, здесь или в Москве. А Бобров все не решался сделать Нине предложение. Потому что не мог понять, любит он ее или нет. Также как она не могла понять, что больше в ее чувстве к Андрею Боброву, начальнику валютного отдела банка, где служит старшим экономистом ее отец: любви или расчета.

Они с Ниной *дружили*, как это до сих пор принято говорить в глубинке, где всем заправляют бабушки на лавочках, ее совесть и общественное мнение, ходили в кино, ездили на пикники, Бобров почти все выходные проводил в доме у Зиненок. Он дарил Нине подарки, и подарки дорогие, катал ее на своей машине и зазывал в гости. Но Нина не шла, ожидая официального предложения. «Только после свадьбы», – понял Бобров и отстал.

Нининого тела ему не очень-то и хотелось, хотя она была бесспорной красавицей. Бобров хотел ее душу, которой у Нины, похоже, и не было. А он хотел думать, что есть. Потому что иначе он не мог открыть ей свою душу, обмен был бы неравноценный. Но наступила весна, и время окончательного объяснения пришло. Он должен был сказать, наконец, Нине, что любит ее и хочет на ней жениться. Либо перестать ездить к Зиненкам. А это означало умереть от тоски и опять подсесть на кокаин.

Вот с такими чувствами Бобров и шел сегодня на работу, промакивая ваткой кровь, которая все сочилась из пореза на левой щеке. Хотя порез, вроде бы был неглубокий.

И вдруг он споткнулся, на середине оживленной улицы, которую переходил. Взгляд его уперся в вывеску: «Счастливый». Бобров поднял вверх глаза и увидел зеленое облачко на том месте, где еще вчера было сплетение голых корявых ветвей. На главной улице Чацка зазеленели пирамидальные тополя. Бобров посмотрел еще выше, и увидел небо. Оно сегодня было глянцевым, и, казалось, не пропускало солнечный свет. Он весь был внутри, по ту сторону глянца, отчего небо сделалось плотным, и таким синим, будто краску утрамбовывали, прежде чем нанести ее на стекло, а потом налепили густо, и не жалея. Это глянцево-синее небо поразило Боброва в самое сердце. Он перевел глаза вниз, на слово «Счастливый», написанное с большой буквы, и подумал: «Завтра».

Завтра он объяснится с Ниной, и, возможно, сделает ей предложение, если из разговора поймет, что она не ответит отказом.

Раздался пронзительный гудок автомобиля, после чего Боброва обматерил высунувшийся из окна водитель. Бобров, было, вскипел, но вину свою тут же признал. Он, и в самом деле заезавшись, разглядывая тополя и думая о Нине. Поэтому Бобров вяло огрызнулся «сам му... ак», и закончил переходить дорогу, одновременно счастливый и обиженный, названный «козлом» и «уродом ногожопым».

С таким чувством, и с окровавленной ваткой в руке он и вошел в банк.

Бобров был счастлив ровно до обеда. Обедал он дома в отличие от подавляющего большинства сотрудников банка, которые приносили еду из дома и разогревали ее в микроволновках. Боброву же было до дома близко: всего-то перейти улицу. Квартиру он выбирал вовсе не из расчета поменьше времени тратить на дорогу, добираясь с работы домой. Просто эта квартира, была единственная в Чацке, которая ему понравилась. Современная квартира-студия, в отличие от других квартир, которые Бобров смотрел, с бабушкиным ремонтом, массивными стенками советского образца и потертыми коврами на полу. Похоже, что в студиях в Чацке никто не жил, их не понимали, считали неудобными, поэтому цена Боброва приятно удивила, когда он захотел снять именно эту квартиру.

Обедать домой он ходил не потому, что хотел, есть, он просто хотел хоть ненадолго вырваться на свободу. Бобров ненавидел службу, ненавидел банк, в котором ему приходилось сидеть с утра до вечера, ненавидел своих коллег. В банке работал Нинин отец, с которым Боброву приходилось сталкиваться каждый день, мало того, в банке, операционисткой работала старшая Нинина сестра, Шурочка. Это засилье Зиненок, которые со всех сторон обступили Боброва, подталкивая его к браку с Ниной, угнетало. Он уже готов был, в очередной раз, столкнувшись с главой клана Зиненок, зажурившись, выпалить:

– Согласен!

И тут же отправиться венчаться. Или куда они там его повезут. Хоть в преисподнюю, брак с Ниной, возможно, окажется адом. Бобров уже практически сдался, оставались формальности. Андрей Бобров еще не знал, что этот день, пятница, и грядущие за ней выходные, которые он традиционно собирался провести у Зиненок, круто изменят его жизнь. И вообще жизнь в Чацке.

Внутренний барометр Боброва, обычно чувствительный на перемены, сегодня молчал. Напротив, настроение у него было приподнятое, пока он не увидел начальника службы без-

опасности банка Протопопова, который заводил к директору заплаканную дамочку. Колька Протопопов был почти двухметровым гигантом, и казалось, что он ведет к директору провинившуюся школьницу, а не VIP-клиентку.

Бобров как раз собирался пойти пообедать, но в коридоре столкнулся с Протопоповым. Привычно подумал: «Ха! Служба безопасности! Сказали бы просто: начальник охраны. Тоже мне, служба. Сплошь отставники, кроме самого Кольки и все – возрастные».

Но тут он разглядел дамочку.

– Что, опять? – еле слышно спросил он у Протопопова, пропустив женщину вперед. Протопопов кивнул, и Бобров тут же помрачнел.

Дамочка была из богатых, из тех самых Чацких нуворишей, которые жили в Шепетовке, в частных домах. Шепетовка была пригородом Чацка с одной стороны, но с другой – самодостаточным конгломератом, который задирал перед Чацком нос. Город, в свою очередь, отвечал ей презрением, но в презрении этом сквозила зависть. Дома в Шепетовке были богатые, а в гаражах стояли крутые тачки.

Женщина, которая в слезах заходила в кабинет директора, была разведенкой, которая жила в огромном особняке со своими детьми. Ее старшая дочка училась вместе с младшей Зиненко, Касей. Раиса Шамсутдинова нигде не работала, но в банковской ячейке у нее лежали миллионы. О чем в Чацке ходили упорные слухи. Бывший муж, чиновник, занимающий солидную должность в городской администрации, опять-таки по слухам, развелся с супругой чисто формально. Чтобы сохранить нажитое непосильным трудом. В частности, огромный дом в Шепетовке и деньги в банковской ячейке. Бобров давно ждал, что именно с этой дамочкой случится несчастье, и не ошибся.

В банке «Счастливым» творились странные дела. Из клиентских ячеек исчезали деньги. Крупные суммы. Исчезали регулярно, раз в месяц. Причем, экспроприировали только экспроприаторов. Тот, кто воровал деньги, был прекрасно осведомлен, у кого надо брать и сколько надо брать. Его осведомленность поражала.

Когда Бобров понял, что именно происходит, он по достоинству оценил вора: умнейший человек. Без сомнения, это сотрудник банка, и сотрудник не рядовой. Он занимает позицию, как минимум, замначальника отдела, а то и выше. Деньги берет у тех, кто гарантированно не пойдет в полицию. Та же бывшая жена чиновника. Сколько там у нее украли? Миллион, два? Надо будет выяснить у Протопопова, который, всяко, в курсе.

Ну, как она, неработающая, разведенная, имеющая к тому же несовершеннолетних детей на иждивении, объяснит происхождение миллионов в банковской ячейке? Бывший муж дал? А он их происхождение как объяснит? Алименты? Да где такие зарплаты в Чацке? Понятно, что взятки. Вор тоже это знал. Потому и не погнушался.

Кражи эти начались год назад, но Бобров узнал о них далеко не сразу, только, когда факт уже невозможно было утаить. И о кражах заговорили не только в банке, но уже и в городе. Пошел слух, и слух неприятный. Руководство банка стало опасаться, что народ побежит забирать деньги из ячеек. До этого «Счастливый» считался абсолютно надежным банком в плане сохранности добра, будь то рубли, валюта, драгоценности или важные документы.

Богатые люди были и в Чацке, и все они арендовали в «Счастливом» ячейки. И вот в банке завелась крыса. Бобров подозревал, что его коллега таким вот образом выплачивает себе ежемесячную премию. Числа были плавающие, деньги пропадали как в начале месяца, так и в середине, и в конце. Крыса еще ни разу не ошиблась и не залезла в пустую ячейку. Потому что в кражах прослеживалась *система*. А график был плавающий потому, что преступник был очень умен. Он понимал, что его не так уж сложно будет вычислить, если он станет наведываться за премией, допустим, каждое второе число. Можно ведь посмотреть записи с видеорекамера.

А так, смотрите на здоровье. И смотрели. Директор смотрел, Протопопов смотрел, Бобров тоже смотрел, и даже всемогущий Мартин, самый умный человек во всем Чацке. Либо нашелся кто-то поумнее Мартина, либо воровал сам Мартин.

«Если это Мартин, мы никогда его не поймаем», – грустно думал Бобров. «Это невозможно».

Мartiном звали заместителя директора банка. Сам директор, Сергей Валерьевич Шелковников, холеный красавец лет пятидесяти, похоже, лишь служил Мартину ширмой, хотя поначалу Бобров подумал, что это Мартин – зицпредседатель. Но потом узнал, что Андрей Борисович Мартин угробил все частные банки, в которых служил ранее, до «Счастливого». Угробил с целью обосноваться в «Счастливом». У Мартина была целая схема, как положить банк, причем любой, и Бобров признал эту схему гениальной. Похоже, Мартину за подрывную работу хорошо платили. Шелковников не подписывал без него ни одного документа. Если его заместителя по какой-то причине не было на рабочем месте, а документ надо было срочно подписать, Шелковников просто исчезал, отговариваясь делами или болезнью. Он, похоже, и дышать боялся, не посоветовавшись с Марином.

Так вот: Мартин записи с видеокамер смотрел и пожал плечами:

– Ничего не могу сказать.

Уж если он не мог, так что говорить об остальных?

Обстановка в «Счастливом» была нездоровой с тех пор, как начались кражи. Хотя поначалу никто не принял это всерьез. Богатые люди, подчас, и сами не знают, сколько у них денег. Вор ведь не забирал из ячейки все. Он забирал часть. А клиент закладывал ячейку без свидетелей, и без описи. Доказать ничего было невозможно. В том-то и была гениальность вора. Он точно все рассчитал.

Бобров был свидетелем одного такого допроса. Это было, когда в банке еще не понимали, что воровство стало системой. Бобров из любопытства зашел в кабинет Протопопова, где тот снимал показания у грузного мужчины, владельца рынка. Рынков в Чацке было несколько, тот, кого решили пощипать, владел не самым большим. Явно блатной, весь в наколки, с золотой голдой на шее, обокраденный «бизнесмен» употреблял так много матерных слов, что протокол писать было невозможно. Но Протопопов не смел его перебивать.

– Я его, бля урою. За яйца подвешу. Ты мне его только найди, слышишь? – давила туша на Кольку Протопопова, не выдавая при этом никакой конкретики. Сколько было денег в ячейке, какая сумма пропала?

– А я че помню? Их сто пудов было больше, – гнула свое туша в голде.

Бобров не мог взять в толк, зачем хозяин рынка вообще принес в ячейку деньги? У блатных разве не общак? Не понятия? Они свои деньги уже не в банки трехлитровые закатывают, и не хоронят в подполе, переведя миллионы в золотые слитки?

Видать, у туши денег было столько, что она решила занести немного и в банк. На всякий случай. Дело было в принципе. Неважно, сколько именно пропало. Красть деньги у авторитетов не по понятиям.

Именно из этого допроса Бобров и понял, насколько опасно хранить деньги в депозитарной ячейке, если, не дай бог, в банке завелась крыса. Потому что за содержимое ячейки банк не отвечает. Вопрос был в том, дорожит «Счастливый» своей репутацией или не дорожит?

Как показали дальнейшие события, дорожил, и даже очень. Но в тот вечер Бобров просто ушел с работы в потускневших чувствах. Его внутренний барометр наконец-то настроился на чацкую реальность. Боброву даже захотелось кокаина, но он вовремя вспомнил о Нине.

К тому же Шурочка, когда он проходил по операционному залу, сказала:

– Андрей, не забудь: завтра в два у нас. Нина тебя ждет.

И Бобров на время забыл про кражу.

Погода была чудесная, Зиненки жили в Шепетовке, в частном доме. Это означало, что у них в саду завтра будет пикник. На который соберется молодежь, в основном сотрудники банка «Счастливый». Будет Миллер с гитарой, Свежевский со своей гаденькой улыбочкой, хихикающая Шурочка, возможно, заедет Колька Протопопов со своей невестой Зиной. И, разумеется, будет Бобров, Нинин жених.

Но когда Бобров пришел домой, он поневоле вспомнил о краже.

Глава 2

В его окнах горел свет, и Бобров понял, что к нему забрел Ося Гольдман. По пятницам они традиционно пили водку и играли в шахматы, если Бобров не ехал на свидание с Ниной. Поскольку свидание это, как и решительное объяснение, было назначено на завтра, а Ося был в курсе всех Бобровских дел, то он пришел на пятничное randevu.

Гольдман был единственным другом Боброва в Чацке и возможно на всем белом свете. Тощий еврей с печальными библейскими глазами, которые казались еще больше за стеклами круглых, как велосипедные колеса очков, Гольдман работал в самой большой чацкой больнице, где заведовал отделением психиатрии. Сам он был человеком здравомыслящим, циничным, что и сблизило их с Бобровым, и почти также умен, как Мартин.

Жил Гольдман со своими родителями, поскольку был до сих пор не женат. Вместе с ним жила младшая сестра с многочисленным потомством, потому Бобров и дал Осе ключ от своей квартиры-студии. Чтобы Гольдману было, где отдохнуть от своих психов и от своей семьи, где тоже, похоже, все были ненормальные, кроме него самого, потому что плодились, как кролики без перспективы получить хотя бы еще одну квартиру. У Гольдманов было так тесно, что Бобров предпочитал оставаться на лестничной клетке в ожидании своего друга. Или вообще на улице, в машине. У Оси была даже не комната, а угол: узкая кровать, отделенная ширмой. Только тощий, почти бестелесный Ося мог на этой спартанской койке поместиться и даже умудрялся высыпаться. Сам Бобров купил для него удобный диван, который поставил в своей студии, у окна.

Когда Бобров вошел, Ося лежал с ногами на этом диване и в ожидании его читал какую-то книгу. На столе обосновалась палка полукопченой колбасы и батон хлеба.

– Что читаешь? – с интересом спросил Бобров.

Ося Гольдман читал все подряд, причем, с одинаковым интересом. Обсудить с ним прочитанное было одно удовольствие, и Бобров решил его не откладывать.

– Книгу о сильных, предприимчивых и решительных людях и их смелых поступках, на которые я никогда не решусь, – охотно ответил Ося.

– Как называется?

– Уголовный Кодекс.

Бобров оценил шутку и рассмеялся. Но потом вспомнил, что Ося может задать вопрос: откуда у тебя Уголовный Кодекс? Зачем он тебе? А кодекс Бобров приобрел, когда всерьез собирался сесть в тюрьму. Был такой момент в первый год его жизни в Чацке, когда Боброву стало особенно невыносимо. И он подумал, что лучше уж тюрьма, чем Чацк. И стал мечтать о том, как его посадят в одиночку, и он, человек без кожи, наконец-то обретет в этом мире покой. Но потом он встретил Нину и передумал садиться в тюрьму. От тех тяжелых дней и остался в его квартире Уголовный Кодекс Российской Федерации, который с интересом изучал теперь Ося Гольдман.

Бобров посмотрел на палку полупкопченой и сказал:

– Ося, а давай закажем суши.

– Барство это, – вздохнул Гольдман. – И потом: ну, какие в Чацке суши?

– Какие есть. Мы с тобой два закоренелых холостяка, а кушать хочется. Готовить ни ты, ни я не умеем. А колбасу я не хочу.

– Потому что ты барин, – сердито сказал Гольдман. И проворчал: – Ладно, звони, заказывай свои суши.

Бобров понял, что у него попросту нет денег. Большая Осина семья была похожа на галчат, разинувших рты. В эти жадные рты Ося клал почти всю свою зарплату, оставляя себе лишь

незначительную сумму на карманные расходы как какой-нибудь школьник. Бобров знал это, но все равно говорил:

– Ося, возьми, наконец, ипотеку. Я не могу смотреть, как ты мучаешься. Ипотеку я тебе устрою, и даже денег добавлю на первый взнос.

– Добавишь к чему?

– Неужели у тебя нет никаких сбережений?

– Абсолютно.

– Вы какие-то ненормальные евреи, – злился Бобров. – Денег у вас нет, живете в бедности, в тесноте. Ты же умный мужик. Придумай что-нибудь. Вон у тебя, полные карманы наркоты. Кстати, откуда?

– Оттуда. Я же врач – психиатр. Мне на отделение дают.

– А почему ты зажимаешь эти таблетки? Они ведь для больных.

– Им не надо. Они счастливы.

Бобров еще больше злился, потому что не понимал, прикалывается Ося, или говорит всерьез.

– Гольдман, у тебя же отчетность. Ты не можешь вот так, совершенно безнаказанно красть у больных лекарство, которое сам же им выписываешь.

– Почему не могу? Могу. Это же Чацк, Андрияша. До областного центра далеко, до Москвы еще дальше. О нас никто не помнит, и мы тоже забыли, что есть на карте России. Живем своей жизнью, варимся в собственном соку.

– Не пора ли изготовить глобус Чацка? – язвил Бобров.

– Я знаю, ты не любишь мой родной город, а любишь свою Москву, – спокойно отвечал на это Ося, – но поверь, туда уже давно никто не стремится вопреки сложившемуся мнению. Никто кроме тебя, потому что ты там родился и прожил большую часть жизни. А нам и здесь хорошо. Кстати, хочешь таблеточку?

– Иди к черту. Я завязал с наркотой.

– Бывших наркоманов не бывает. Это я тебе как врач-психиатр говорю. Когда развяжешь, скажи. Я подберу тебе хорошее лекарство.

– Не вызывающее привыкания, да?

– Таких наркотиков не бывает. Это я тебе тоже, как врач говорю. Но я легко смогу вывести тебя из этого состояния.

– Сначала вводить, потом выводить... И в чем смысл?

– В том, что ты не будешь так нервничать.

Но Бобров не сдавался. Хотя все время нервничал. С тех пор, как в банке начали воровать, он был, прямо скажем, не в себе. Бобров боялся, что начнут проверять всех подряд, и всплывет его московское прошлое. Ему будут задавать вопросы. А он помог украсть у государства миллиард. И его за это не посадили. Значит, посадят теперь.

Вот и сегодня, заказав суши, Бобров невольно покосился на Уголовный Кодекс в руках у Оси. И Гольдман это почувствовал. Спросил:

– Что, опять?

Бобров уныло кивнул. Тему воровства из банковских ячеек «Счастливого» они с Осей не раз обсуждали. И даже пытались понять, как *он* это делает. Но до сих пор не поняли, хотя Гольдман был очень умен, да и сам Бобров не дурак.

– Кто на этот раз? – деловито спросил Гольдман, отложив УК.

– Раиса Шамсутдинова.

– Ого! И много взяли?

– Пока не знаю. Завтра вытрясу информацию у Протопопова, он тоже к Зиненкам собирается.

– Напой его, как следует.

- Это само собой.
- Сам-то не бухай.
- Сейчас или завтра?
- Ты вообще, Андрюша, не бухай. Тебе на Зиненках жениться.
- Бобров поежился. Женитьба на Нине теперь не казалась такой уж заманчивой идеей.
- Слушай, Ося, а ты-то, почему не женат?
- Женитьба это рабство.
- Все у тебя рабство. Ипотека – рабство. Женитьба – рабство.
- Так ведь солнышко пригрело, – как кот прищурился Гольдман. – Перееду на дачу, буду ездить на работу на велосипеде. Выплюсь наконец-то. Так, глядишь, и лето пройдет.
- Ты, Гольдман, просто пофигист. Не хочешь ты ни жену, ни детей, ни квартиру. Вон, наркотой карманы набил, и тащишься от этого. Ладно бы сам употреблял. Так нет. Тебе, как скупому рыцарю, достаточно держать в руках ключи от рая, но сам рай не нужен. Напротив, тебе комфортнее в аду, но с ключами от рая в кармане. Ты, черт знает, что такое, Гольдман. Наливай, что ли, – грубо сказал Бобров, и достал из холодильника бутылку водки.
- Я вижу, ты не в настроении, – вздохнул Ося и потянулся к бутылке. – Ну, давай обсудим, что там у вас случилось?
- Мы с тобой уже сто раз это обсуждали. А толку чуть.
- Не скажи: статистика растет. А суммы? Суммы увеличиваются?
- Нет, он очень осторожен.
- Но на этот раз все гораздо серьезней. Шамсутдинова я знаю, мужик серьезный. У него наверняка есть тетрадка, в которой все записано. Сколько денег лежало в ячейке, в какой валюте. Жена у него по струнке ходит. Ее, конечно, можно попробовать обвинить в том, что деньги она просто переложила из ячейки в карман, и заявила директору банка о краже. Да только Шамсутдинов в это не поверит. Он мусульманин, Андрюша. Даже если он не ходит в мечеть, не режет баранов в курбан-байрам и сидит в городской администрации вместо юрты, он все равно обрезан и чтит Коран. Значит, он мусульманин, и в его семье домострой. Завтра он поднимет всех на уши. А связи у него большие. Плевал он на наши законы, у него свои. Он по шариату живет.
- Ты считаешь это прокол? – внимательно посмотрел на него Бобров.
- И прокол серьезный. Расслабился он, похоже, Андрюша, наш воришка. Вкус крови почувствовал. Не в ту ячейку лапу запустил.
- Да больше, похоже, некуда. По всем уже прошелся. И куда ему столько денег? Что интересно: ни один из сотрудников банка не делал за последний год крупных покупок. Из тех, кого я подозреваю.
- А из тех, кого ты *не подозреваешь*?
- Скажи еще, Шелковников ворует, – рассмеялся Бобров. – Он на Мальдивы зимой с любовницей летал.
- Мартин купил машину. Хотя никто не видел, чтобы он на ней ездил. Купил и поставил у дома. Она там месяца три уже стоит. Крутая тачка! Я просто мимо хожу. Спросил: чья машина? Новая, дорогая. Сказали: Мартина.
- Так это же Мартин!
- А Мартин что, не может быть вором?
- Мартин может быть всем. Он оборотень.
- Гольдман рассмеялся и стал наливать водку. Бобров достал шахматы.
- Опять Е2–Е4? – насмешливо поднял брови Ося.
- А что тебя конкретно не устраивает?
- Меня устраивает все, – и Ося двинул через клетку черную пешку. – Ты мне скажи, если ворует сотрудник банка, почему его до сих пор не вычислили? Ведь есть записи с видеокамеры.

– А на них нет сотрудников банка.

– То есть? – Гольдман задумчиво посмотрел на доску, где Бобров, сделав три стандартных хода, вдруг начал чудить.

– Только клиенты, Ося. И операционистка, у которой мастер-ключ. У нас нет такой должности, потому что в ячейку ходят редко. И сам депозитарий очень уж маленький. Операционистки берут таких клиентов по очереди. В зависимости от того, кто из них на данный момент свободен. Но они в само хранилище не входят. Ждут у решетки. Кроме операционистки с мастером и клиентов с ключами от ячеек в хранилище никто не заходил. Если верить записям с видеокамер. В том-то и штука.

– Не хочешь ли ты сказать, что он маг и чародей, наш вор?

– Неординарный человек, это уж точно. С нестандартным мышлением.

– Тогда это точно Мартин.

– Я бы очень хотел, чтобы вором оказался Свежевский.

– Почему? – Гольдман взялся за слона.

– Он противный тип.

– Он просто начальник отдела продаж. Продажники все такие. Им надо впаривать народу то, что ему, этому народу абсолютно не нужно. Услуги всякие, новые тарифы, банковские продукты. В Чацке это сделать непросто.

– Свежевский противно смеется.

– А ты себя-то видел со стороны? Как ты раскладываешь волосы?

– Что, мерзко смотрится?

– Довольно-таки странно. Извини, Андрюша, но тебе через два хода мат. Ты сегодня какой-то рассеянный.

Бобров проигрывал еврею Гольдману всегда, но Ося каждый раз извинялся. И находил уважительную причину, по которой Бобров ему проиграл.

– Эх, Андрюша, Андрюша. Ничего ты не знаешь про людей, – неожиданно сказал Гольдман, глядя на Боброва, расставляющего шахматы для новой партии. – Вот я тебе расскажу историю из собственной практики. Лежит у меня в отделении пациент. Вот уже года три как лежит. На галопериболе я его держу, и вроде с ним все в порядке. А отпустить не могу. Знаешь, как он ко мне попал?

– Ну? – истории про психов Гольдман рассказывал постоянно, Бобров уже успел к ним привыкнуть настолько, будто сам порою лежал в психиатрическом отделении у Гольдмана.

– Года три назад появился в городе грабитель. И стал нападать на людей, отбирая у них мобильные телефоны. Ничего кроме них не брал, вырывал сумку и убегал. Если в сумке был кошелек с деньгами, грабитель его не трогал. Документы тоже. Он выбрасывал сумку в урну, изъав из нее телефон. Ничего его не интересовало кроме мобильных. Причем, он брал все подряд, не гнушался и у старух воровать, кнопочные, допотопные, с треснутыми корпусами. Поймать его не могли долго, несмотря на кучу примет. Потому что не могли найти телефоны. Казалось, он должен их куда-то сбывать. Прошерстили весь Чацк в поисках канала сбыта. Никто не продавал краденые телефоны. Они просто исчезали. Помог сторож с кладбища.

– Чего? – оторопел Бобров.

– Я же тебе сказал: грабитель лежит у меня психиатрии. Пошевели мозгами. Случай очень интересный.

– Гольдман, не тяни, – Боброву и в самом деле стало интересно. Про кладбище он еще не слышал.

– Оказывается, гражданину N до того, как лично я им занялся, чудились голоса. С ним общались покойники. Которые через него хотели выйти на связь со своими близкими. А его избрали посредником между загробным миром и миром живых. И гражданин N с полной

ответственностью подошел к возложенной на него миссии. Он воровал мобильники и закапывал их в могилы. Ходил по ночам на кладбище и подключал покойников к сети.

– Шутишь?

– Ничуть.

– А я думал, у тебя в отделении одни Наполеоны лежат.

– Какое там, – Гольдман махнул рукой и двинув вперед пешку. На этот раз он играл белыми. – Мир давно изменился, Андрюша. Никто не хочет быть Наполеоном. Эльфов и гномов – этих, как грязи. И орки есть. Еще была у меня Царица кошек, недавно выписал. Бабка-кошатница, соседей терроризировала, и те психушку вызвали. Полно неврастеников, инфантильных дегенератов, просто дебилов, а вот Наполеонов нет, – с сожалением сказал Гольдман и съел Бобровского ферзя. – А вот еще случай был. Положили ко мне гражданина с манией преследования. Типичный случай: якобы за ним следили грабители, пасли его, повсюду сопровождали. Гражданин подумал, что у него паранойя и пошел в поликлинику, к психиатру. Оттуда его направили ко мне. Я его подлечил, а когда он пришел домой, оказалось, что его квартиру действительно ограбили. Всякое бывает.

– Ты это к чему рассказал? – Бобров рассеянно сделал рокировку.

– К тому, что нашим вором может быть кто угодно. Чужая душа потемки. Тебе шах.

– Скажешь, какой-то псих решил телепортироваться на Марс и собирает по банковским ячейкам деньги, чтобы построить аппарат для перемещения душ?

– Сумасшедшие люди весьма и весьма неглупы, – задумчиво сказал Гольдберг. – Ищи чудиночку. Снова шах.

– Я это учту, – сказал Бобров, уводя из-под шаха черного короля, и в этот момент позвонили в дверь. – О! Суши, наконец, привезли!

– Тебе, кстати, через три хода мат.

– Да бог с ним.

– Я же говорю: ты сегодня в расстроенных чувствах.

Бобров расплатился за суши и, поставив на стол пакет, с нетерпением стал разрывать упаковку.

– Деньги спрячь, я угощаю. Оставишь колбасу в уплату долга, – предупредил он Осины возражения.

– Как скажешь. И все-таки, что ты решил? Когда свадьба?

Бобров не знал, что ответить. Сначала он должен был видеть Нинины глаза. Без них он был как слепец без собаки-поводыря, не знал, куда идти, и почему он вообще до сих пор живет в Чацке.

Завтрашний день все решит. Но для этого надо съесть суши и допить водку. И после этого лечь спать. И Гольдман все понял, потому что о свадьбе в этот вечер больше не говорил.

Глава 3

День, который назначил себе Бобров для счастья, полностью этому соответствовал. Прекрасный, солнечный, почти по-летнему теплый, вот каким выдался этот субботний майский день, хотя пока все спали, солнце своими ручищами-лучами словно бы вспоролو гигантскую перьевую подушку. И на выкрашенное синим стекло повсюду налипли перья. Небо все было в перистых облаках, но день выдался безветренный, и все они оказались, будто приклеены.

Бобров выехал пораньше, чтобы купить Нине цветы. Пока ехал, раздумывал, стоит это делать, или поступить традиционно: просто дать Анне Афанасьевне деньги. Поездив с месяц к Зиненкам, Бобров подумал, что злоупотребляет их гостеприимством. Либо ездить надо пореже, либо как-то это компенсировать. И он предложил Нининой матери деньги, смущаясь и бормоча:

– Извините, Анна Афанасьевна, я совсем не умею вести хозяйство. Вечно покупаю к столу что-нибудь не то. Вы уж сами.

– Жениться тебе надо, Андрюша, – ласково сказала та и проворно спрятала деньги в кошелек.

Вот с тех пор и повелось. Бобров еще не был женат на Нине, но уже фактически оказался в зятях, потому что регулярно давал ее матери деньги.

Когда в банке начались кражи, он невольно задумался: а на что живут Зиненки? Жили они в Шепетовке, в частном доме, по меркам местных нуворишей, скромном. Скромнее не бывает. Но все равно: в доме было два этажа, да две террасы, да курятник, да сарайчик для живности всякой. Семья у Зиненок была большая: Григорий Иванович с Анной Афанасьевной и пять их дочерей: Мака, Бетси, Шурочка, Нина и Кася.

Старшая, Мака, была невероятно толста. Ей уже давно перевалило за тридцать, но она нигде не работала, точнее, работала от случая к случаю и была для семьи обузой. Бобров не так давно с удивлением узнал, что по паспорту Маку зовут Дианой. Диана Григорьевна. Но и у него язык бы не повернулся назвать это чудище хотя бы Диной. Прозвище Мака было из детства. Первенец Зиненок рос невероятным обжорой. Девочка ела все подряд, и остановить ее было невозможно. В особенности любила она подливу и жижку из салата. И все это с белым хлебушком. Сидя за столом, Мака жадно следила за всеми своими совиными карими глазами, то и дело, переводя их на пустеющую салатницу. А когда последняя ложка огурцов с помидорами исчезала в чьей-то тарелке, робко спрашивала:

– Можно?

И, получив в ответ благословенный кивок, хватала салатницу, чуть ли не полбулки хлеба, и жадно принималась *макать*. Словно месяц до этого ничего не ела. Она еле-еле доучилась в техникуме, но устроиться смогла только продавцом на рынок, где, сидя при товаре, беспрестанно жевала. На рынке постоянно возили какую-нибудь снедь: беляши, вафли со сгущенкой, сладкий чай... Иногда Мака забывалась, и вытирала жирные пальцы о лежащий на прилавке товар, чтобы достать из кошелька деньги и купить еще какую-нибудь еду. Ее запаха Мака спокойно не выносила, у нее рефлексивно выделялась слюна. От Маки работодатели старались избавиться, несмотря на все влияние в Чацке клана Зиненок. Мать то и дело на Маку покрикивала, да что там! Даже младшая, Кася, школьница еще, строила старшую сестру и считала ее своей прислугой. Бессловесная слоноподобная Мака все это терпела, лишь бы пробраться к холодильнику.

Следующей из дочерей Зиненок была Бетси. Бетси-англичанка, потому что Елизавета Григорьевна Зиненко преподавала в школе английский язык. Бетси очень нравилась Боброву, потому что у нее-то уж точно была душа, и душа прекрасная. И к тому же ум, острый, прямо скажем, не женский, неумная жажда знаний и поразительная наблюдательность. Боброву было

одно удовольствие говорить с Бетси, а в особенности спорить. Она порою не уступала Гольдману в остроумии, и уж точно, не проигрывала бы ему каждый раз в шахматы. Бобров бы с радостью женился именно на Лизе Зиненко, но... Было у нее еще одно прозвище: Зубы. Рослой, как все Зиненко, широкоплечей и узкобедрой Бетси совсем уж не повезло с зубами. Чрезмерно большие, они сильно выдавались вперед, и верхняя губа не могла их полностью прикрыть. Особенно неприятно было смотреть на Бетси, когда она смеялась. Стоило ей улыбнуться, как порыв Боброва угасал. Тем более, что рядом была красавица Нина. Угловатая Бетси, которая ходила, как мужик, переставляя ноги-циркуль, прекрасно знала о своей непривлекательности и, похоже, решила остаться старой девой. Она с Бобровым и другими холостыми мужчинами никогда не кокетничала, не пыталась их завлечь, в общем, выбрала амплуа «своего парня».

Шурочка, та, что родилась перед Ниной, как уже было сказано, работала в «Счастливым» операционисткой. Именно через нее Бобров с Ниной и познакомился. По мнению Боброва, Шурочка была тупа, как пробка, что вкупе с некрасивостью всех, кроме Нины сестер Зиненок практически лишало ее шансов на замужество. Шурочке недавно исполнилось двадцать восемь, Бобров это помнил, потому что напился в этот день вусмерть: отмечали в банке, после работы. А потом пошли к нему пить кофе. Как пили кофе, Бобров не помнил, но на утро искренне порадовался, что считается у Зиненок Нининым женихом. Поэтому Шурочка с кем-то в ту ночь ушла. Особенно Шурочка домогалась Миллера, замначальника операционного отдела. Миллер тоже был глуп, но зато красавец. Да еще красавец с гитарой. У Олега Миллера был сочный, чарующий баритон, что вкупе с должностью замначальника отдела банка как раз делало его завидным женихом. Незавидная Шурочка с завидным Миллером никак не могли быть парой, но охотно делали вид, что это возможно. Миллер со своей гитарой постоянно торчал у Зиненок, и Бобров все не решался спросить у Олега, дает ли он деньги Анне Афанасьевне?

Нина... Ее в семье Зиненок звали подарком. В самом деле, невозможно было объяснить, каким чудом у простоватого, массивного Григория Зиненко, обладателя похожего на картошку носа и его маленькой, вертлявой, шуплой жены с близко посаженными серыми глазами, размером с булавочную головку, родилась такая красавица дочь. Прямо диво дивное. Разве что Анна Афанасьевна могла этот момент прояснить, но она, разумеется, молчала.

Нина была высокого роста, как и все дочери Зиненок, которые пошли в рослого отца, но в отличие от Маки, Бетси, Шурочки и Каси потрясающе сложена. Руки, ноги, талия, лебединая шея, – в Нине все было прекрасно, в особенности ее грация. Тонкие, но невероятно густые пепельно-русые волосы, выющиеся на концах, обрамляли овальное Нинино лицо с милой ямочкой на подбородке, которое было смуглым, как у цыганки. И глаза у нее были цыганские: большие, карие, с длинными ресницами, похожими на опахала. Все ее тонкое смуглое лицо было усыпано родинками, одна, самая очаровательная, над верхней губой, но и остальные, та, что возле уха, или на виске, у самой линии волос, тоже были прелестны. Бобров, замирая, представлял, что такие же родинки рассыпаны по всему Нининому волшебному телу, шелковистому и такому же смуглому, как ее лицо, в самых заветных местах, и мечтал все их перецеловать. Тонкий прямой носик, пухлые губы, над верхней та самая родинка. Верхняя точка для поцелуев, поэтому Бобров, случись ему начать, начинал именно с нее. А последнее время, предвкушая развязку, Нина позволяла себя целовать. От этих поцелуев Бобров дурел хуже, чем от кокаина, руки его дрожали, сжимая Нину, и она легко уворачивалась:

– Андрей, потом.

Бобров прекрасно понимал, что Нина с ним играет. Должно быть, мама научила. Сама Нина была не очень умна, и уж точно не опытна в этих делах. Но невероятно проницательна. В ее умении угадывать, что именно от нее хотят услышать, и говорить именно это, и в самом

деле было что-то цыганское. Будто Нина была ведунья, помимо того, что она была редкой красавицей.

Понятно, что на Нину семья Зиненко возлагала большие надежды. Нина должна была выйти замуж за олигарха и всех их осчастливить. Бобров олигархом не был, но он был москвичом, и Зиненко наверняка рассчитывали, что после свадьбы он увезет красавицу Нину в Москву, потому что у него там есть квартира. А там уж...

Бобров, все больше увязая в отношениях с Ниной, старался не думать о том, что его хотят использовать, как трамплин.

Что до младшей из Зиненок, Каси, то она, как уже сказано, была школьницей. Кася рано созрела и в свои четырнадцать выглядела на двадцать. Нина рядом с младшей сестрой казалась девочкой. Кася уже всю заигрывала с мальчиками, а те становились пунцовыми, глядя на пышную Касину грудь, обтянутую футболкой. Бетси как-то призналась Боброву, что полное имя Каси – Кассандра. Зиненко в пятый раз уж точно ждали мальчика. Они его и добивались с таким упорством. И когда родилась Кася, Анна Афанасьевна во всеуслышание объявила, что это необыкновенный ребенок. Надо же ей было как-то оправдать свое фиаско. «Чудесную» Касю называли Кассандрой, явно готовя ее на роль провидицы. Но сколько Бобров не приглядывался к Касе, он видел лишь «чудесное» скороспелое половое созревание. Касю перло, как на дрожжах.

Пока холостые мужчины, считающиеся в доме женихами, жарили шашлык, и пили с барышнями водку, Касины мальчики гроздьями висели на заборе. Оттуда они свистели своему предмету, и предмет из-за этого задира л нос. Бобров уже привык пить водку под этот свист, он вообще ко многому привык, прожив в Чацке больше года.

Он все-таки купил Нине цветы, белые розы, но по дороге мучился вопросом: на что живут Зиненки? Анна Афанасьевна, или по-домашнему Нюся, нигде не работала. Хозяйство у Зиненок было большое, они держали кур, уток, кроликов, а одно время даже пасеку. И выращивали все, начиная от картошки, и заканчивая экзотическими баклажанами, которые прекрасно себя чувствовали в Чацком жирном черноземе. На огороде трудились, как проклятые все, кроме Нины. Она вообще жила особенной жизнью. Вся семья Зиненок была у Нины в прислугах. Нина спускалась из своей спальни к обеду, даже учебой она себя не утруждала, хотя это было единственное ее занятие. Нине с ее красотой не было необходимости в красном дипломе, а зачеты и «тройки» ей ставили и так. За участие в конкурсах красоты, городских и региональных, с которых Нина неизменно привозила ленты, прославляющие Чацк. О ней писали в газетах, ее звали на радио и на местное телевидение. Нина даже вела там прогноз погоды, и получала за это деньги. Пусть небольшие, но это были легкие деньги, в отличие от тех, которые зарабатывали остальные Зиненки.

Бобров прикинул: зарплата в банке небольшая. Григорий Иванович вроде как старший экономист. Но на деле должности «старший» и «замначальника отдела» в «Счастливом» чисто номинальные. Когда человека надо повысить за старание и стаж, но без существенной прибавки к зарплате и с сохранением прежнего объема работы, ему изобретают несуществующую должность. Так, замначальника операционного отдела Олег Миллер по-прежнему обслуживал клиентов. А когда в зале был наплыв, так наравне с другими операционистами Олег в поте лица принимал платежи и штамповал чацким бабкам их сберкнижки: бабки не признавали цифровизацию, на любую банковскую операцию им нужна была бумажка.

Также и Григорий Иванович, который звезд с неба никогда не хватал. Ему оставалось лет пять до пенсии, да пенсионный возраст вдруг прибавили. Зиненко, чьей единственной целью в жизни, кроме, разумеется, замужества Нины с олигархом было дожить до пенсии, приуныл. Он с месяц ходил с похоронным лицом и даже огрызался. Это Зиненко! Который наушничал, не стеснялся подставлять коллег, подличал, самозабвенно лизал задницу начальству, даже самому

маленькому. И вдруг этот прирожденный раб, возведший в культ свое рабство и не помышлявший никогда о свободе, начал хамить и огрызаться. А потом в банке начались кражи из ячеек.

Вот о чем думал Бобров, подъезжая к Шепетовке, и от этих мыслей ему становилось не по себе.

Выходя из машины, он больно укололся о розовый шип, и из пальца полилась кровь. Ватки не было, и Бобров с досадой обмотал палец бумажным платочком, пачка которых, по счастью оказалась в «бардачке».

«Слишком много крови», – подумал он, осторожно неся к дому букет. Нина постоянно кровоточила, хотя не она резала Боброва и колола ему пальцы. Но все его действия, связанные с Ниной, так или иначе, наносили рану.

Он увидел ее издали, потому что не хотел замечать остальных. Миллера, который уже приехал и что-то брэнчал на неизменной гитаре, развлекал Зиненку, строгаящих салаты. Свежевского, который крутился возле полуторалитровых бутылок с пивом с несчастным лицом: похоже, у мужика, после вчерашнего нескучного вечера горели трубы. Анну Афанасьевну, спускающуюся с подносом в сад по ступенькам летней веранды. Это она заметила первой Боброва и крикнула:

– Нина! Андрюша приехал!

Это «Андрюша» в устах Нининой мамы корбило Боброва. Потому что делало его женитьбу делом решенным, а он все еще колебался. Но увидев, как по ступенькам веранды к нему спускается Нина, забыл обо всем.

Она была в сарафане, красном. Нинины глаза обжигали, Бобров почувствовал, как запылали щеки, и схватился за волосы.

– Не чешись, Андрей, – поморщилась Нина и посмотрела на розы: – Это мне?

Бобров, молча, протянул ей букет.

– Красивые. – Нина обернулась на веранду и небрежно сказала: – Мака, Кася... Кто-нибудь. Поставьте цветы в вазу.

Розы взяла Бетси, и Бобров заметил, как неся цветы на кухню, она украдкой окунула лицо в букет.

И горько подумал: «Нине дарили такие шикарные букеты за ее победы, что мои розы ей, должно быть, кажутся жалким. Как и я сам».

Нина словно слышала его мысли, потому что совсем другим тоном, тихо и со значением сказала:

– Я ценю твое внимание, Андрей. Пойдем в сад. Я скучала.

И он, в который уже раз удивился Нининой проницательности. Одной фразой она сгладила ситуацию. Дала понять, что рада ему, а не розам. И предлагает ему свои родинки, в первую очередь ту, что над верхней губой.

Бобров жадно принял к ней, как только они с Ниной дошли до беседки.

– Я тоже... скучал... – шептал он, словно в бреду, обнимая тонкую Нинину талию. Его язык настойчиво нажал на ее сжатые губы, и Нина тут же отстранилась:

– Потом, Андрей. – И она тихо добавила: – Увидят.

И Бобров ее отпустил. Он уже понял: только после свадьбы. И смирился с этим.

– Ну, вот, все в сборе, – сказал Григорий Иванович, разжигая мангал. – Протопоповых ждать не будем.

– А они, может, и не приедут, – Свежевский шел к мангалу с бутылкой пива. – У них скоро свадьба, так надо готовиться. Небось, к Зинкиным родителям поехали, приглашения гостям писать. Может, начнем тогда? – и он с надеждой посмотрел на главу клана Зиненку, скручивая пробку у бутылки со светлым пивом. – О, черт!

Из бутылки шапкой поперла пена, заливая парадные джинсы Свежевского.

– Ты с кем вчера бухал-то, Стас? – спросил Бобров.

- Ты рано ушел, Андрюша, и пропустил все самое интересное.
- Пьянку что ли? – хмыкнул Бобров.
- Звонок из Москвы. К нам, похоже, едет ревизор.
- И кто?
- Подробности потом, – важно ответил Свежевский. – Мне должен позвонить Мартин.
- Тебе? Сам Мартин? – искренне удивился Бобров.
- А у кого еще есть опыт по организации всякого рода мероприятий?

Свежевский и в самом деле охотно брался за организацию корпоративов. Он всегда был готов кого-то устроить, подыскать съемную квартиру, договориться в ресторане о скидках на банкет, записать на прием к врачу, которого все домогались. В контактах у Свежевского были все нужные в городе люди, он был истинным продажником.

– И какого рода мероприятие нас ожидает на этот раз? – кисло спросил Бобров, который был не в восторге от приезда московского ревизора. Который наверняка привезет с собой и историю «погонщика» Андрея Боброва.

«А вдруг это Карен?» – похолодел он.

– Ревизор будет жить в Чацкой гостинице, – сказал Свежевский, отхлебывая пиво из пластикового стаканчика, который предусмотрительно прихватил вместе с бутылкой пива. – А там единственный люкс. Надо все устроить, быть может, мебель какую-то прикупить, починить сантехнику.

– За счет банка? – вскинул брови Бобров.

– Андрюша, ты не понимаешь всей важности момента, – терпеливо пояснил Свежевский. – Когда к нам в последний раз приезжали из Москвы, из головного офиса?

– На моей памяти я последний, – с иронией сказал Бобров.

– Но ты же не с проверкой. Дело-то серьезное, – Свежевский осекся: а все ли здесь свои? Не хотелось выносить сор из избы.

Выручила Анна Афанасьевна, которая принесла к мангалу тазик маринованного в лимонах, помидорах и репчатом луке мяса. Немного свинины, но в основном, домашняя, Зиненковская курятина, утятина и даже крольчатина. И озабоченно спросила:

– Хватит ли?

В беседку подтянулись остальные. Миллер с гитарой, Шурочка, Бетси, Кася и Мака. Последняя что-то жевала.

Расселись. Бобров рядом с Ниной, Миллер рядом с Шурочкой, Свежевский между Бетси и Макой. Поскольку Бобров собирался у Зиненков заночевать, он согласился на водку. С нее и начали. Пока все закусывали, Григорий Иванович отправился жарить шашлык.

– Так приедут Протопоповы или нет? – нетерпеливо спросила Нина.

– А что тебе до них? – спросил Свежевский, чье лицо от водки порозовело.

– Я все-таки не понимаю, почему Зина согласилась выйти за него замуж, – капризно сказала Нина. – Она его не любит, но уважает.

– А разве любовь это главное? – Олег Миллер посмотрел на Нину своими синими, как небо глазами в кайме бархатистых ресниц, томно, обволакивающе. И тронул гитарные струны.

– Нине, как молодой незамужней девушке интересно все, что связано со свадьбой, – улыбнулась Бетси. Бобров невольно отвернулся, хотя замечание было, как всегда, дельное.

– Нам всем пора подумать о свадьбе, – басом сказал от мангала Григорий Иванович, и все дружно повернулись к Боброву.

– Я, собственно, за этим и хотел... – промямлил он, так и не решившись сказать главное. В присутствии свидетелей предложить Нине руку и сердце.

Он старался не напиваться, чтобы сохранить ясность мысли. Предложение не делают по пьяни. Боброва никто и не торопил.

После шашлыка и чая они с Ниной прошли прогуляться по саду. Понимая важность момента, с ними никто не увязался, даже Свежевский, который на старых дрожжах очень быстро опьянел, а пьяный он ко всем вязался. Но Олег Миллер уселся на веранде с гитарой и собрал всех в кружок, слушать. Первые же аккорды Свежевского сморили.

В саду уже буйно зацвела сирень, Бобров еще в прошлом году заметил, что в Чацк весна приходит раньше, чем в Москву, и запахи здесь гуще, словно бы их настаивают в огромном чане, а потом распыляют по окрестностям. А в Москве распыскивают тут же, не давая аромату вызреть. И он мешается с запахом бензина, пластика, асфальта, но в основном, конечно, бензина. И весна как таковая не ощущается, это просто сезонная смена одежды.

– Идем слушать соловья, – потянула его за руку Нина.

Признание в любви под соловьиные трели, – что может быть прекраснее? Бобров совсем уж было решился.

– Нина, – сказал он, остановившись у куста сирени.

– Тс-с-с... – она прижала пальчик к губам. И прикрыла глаза.

Соловей защелкал, зажурчал. Бобров замер, чувствуя, как сладко сжимается сердце. Он и сам готов был запеть, рассказывая Нине о том, что накопилось у него на душе. Обо всех своих муках и сомнениях, о Нининой красоте, которой он сейчас поклоняется, но обладателем которой мечтает стать. Обладателем единоличным, потому что никого другого он рядом со своей избранницей не потерпит. И его смущает Нинина популярность. Можно даже сказать, доступность. Потому он и тянул так долго.

Нина открыла глаза:

– Ты что-то хотел мне сказать, Андрей?

– Да, – он собрался, было выпалить все то, о чем думал, пока пел соловей, но тот, собака такая, опять залился третью, которой вторила трель мобильного на веранде.

Звонок был стандартный, но Бобров почему-то сразу подумал, что звонит Мартин. И звонит он Свежевскому. Внутренний барометр Боброва скакнул и его стрелка будто оторвалась. У Андрея внутри образовалась пугающая пустота. Как будто там прошелся ураган. И все чувства к Нине были смятены этим звонком. Нина замерла, прислушиваясь. К соловью ли, к разговору на веранде.

– Как некстати, – пробормотал Бобров.

И тут же заорал Свежевский:

– Люди! У меня потрясающие новости! Вы даже не представляете, кто к нам едет!

– Надо узнать, что там? – улыбнулась Нина.

– Едет проверяющий из Москвы. Нам-то что? – попытался удержать ее в саду, у кустов с соловьем Бобров, но Нина рвалась услышать новости.

Ее отец работал в банке, и от этой работы зависели все Зиненко. В их доме процветало идолопоклонничество, и все идола Зиненковского алтаря были банковскими шишками. О них говорили так много, что Нина и в самом деле поверила, что ее судьба напрямую зависит от банка «Счастливый». Она и Боброва-то выбрала потому, что он тоже работал в банке.

А тут ревизор из самой Москвы! Со свежими столичными новостями и неограниченными полномочиями. Бобров, досадуя, шел за Ниной, которая сразу забыла про соловья. И даже про замужество. Она была уверена, что Андрей Бобров никуда не денется.

– К нам приедет сам Квашнин! – кричал Свежевский, будто на его письмо откликнулся Дед Мороз. И лично решил привезти заказанный подарок.

– Как Квашнин? – ахнула Анна Афанасьевна. – *Тот самый* Квашнин?!

– Ну да, олигарх из Барвихи, – возбужденно сказал Свежевский. – Он позвонил Шелковникову, тот, само собой, тут же позвонил Мартину, а Мартин позвонил мне и велел все контролировать. Я даже не знаю, с чего начать.

– Начни с себя, – кисло посоветовал Бобров. – Успокойся.

– Тебе легко говорить, – накинулся на него Свежевский. – Квашнин ведь чуть ли не главный акционер! Он член Правления!

– Заместитель Председателя, – напомнил Бобров.

– Вот именно! Он мультимиллионер, понимаешь?! – орал Свежевский. – У него миллионы долларов! Он живет в Барвихе! У него яхта, которая пришвартована в Венеции!

– Он же не на яхте сюда едет, – резонно заметил Бобров. – А вот интересно, на чем? Ведь самолеты в Чацк не летают. Я как-то видел Квашнина на корпоративе. У них был юбилей, и они приглашали всех банкиров. Помнится, и у меня было приглашение. Квашнин – толстяк. Настоящая слоновья туша, ноги как колонны, пузо огромное, а волосы рыжие. Правда, он, как говорят, необыкновенно умен. Плохи наши дела, если сам Квашнин решил в них разобраться. Он урод, но урод богатый, – Бобров осекся, потому что увидел лицо Нины.

При слове «Барвиха» Нина вытянулась в струнку. И без того высокая, она сейчас вся тянулась ввысь, словно готовясь взлететь. Барвиха, миллионы долларов, яхта в Венеции... Бобров понял, что Нины сейчас здесь нет. Она жадно слушала Свежевского и мыслями вся была там, в Барвихе, где живут олигархи.

Вечер для Боброва был испорчен. Теперь все только и говорили, что о Квашнине. Свежевскому поручили обустроить люкс, в котором толстяку было бы комфортно. Проследить, достаточно ли большая кровать, не придется ли протискиваться в ванную комнату, каких размеров унитаз. И, само собой, ванна. Что это вообще за ванна, не следует ли ее поменять?

– Он приезжает от силы на неделю, – пытался образумить народ Бобров. – Он такой же человек, как и все. Он едет сюда работать.

Но его не слушали. Пришел черед сплетен. Свежевский, противно хихикая, рассказывал:

– Василий Дмитриевич глубоко женат. И развестись ему нельзя. Его супруга, рожая последнего ребенка, получила инвалидность. Как-то не так он из мамочки вышел, этот ребенок. Да еще и тесть у Квашнина сенатор. Старику за семьдесят, но эти олигархи нас всех переживут. Им все теперь пересаживают: печень, почки, сердце...

– Хорошо бы тебе пересадили чей-нибудь мозг, – проворчал Бобров. – Неважно чей, лишь бы он вообще был.

– Ты просто завидуешь, – упрекнула его Нина.

– Кому?! Квашнину?! Этому чудищу?!

– Чудище-то он чудище, а все равно ходок, – вздохнул Свежевский. – А когда у человека есть потребности и полно денег, то для удовлетворения этих потребностей нет никаких препятствий. Разводиться Квашнину нельзя, обдерут, как липку, но на его шалости жена и тесть закрывают глаза. Единственное условие, чтобы все было пристойно. Лариса Ивановна, супруга Квашнина, предпочитает, чтобы любовница мужа была на глазах. *Вхожа в семью*, – с благоговением сказал Свежевский. – Поэтому Квашнин выдает ее замуж за кого-нибудь из своих сотрудников, и двигает его по карьерной лестнице. Любовницу с супругом принимают в доме, она на законных основаниях присутствует на корпоративах, занимается вместе с Ларисой Ивановной благотворительностью. В общем, все пристойно.

– Мерзость какая, – поморщилась Бетси, и Бобров посмотрел на нее с благодарностью. Хоть кто-то понимает, что все это гадко. Вся эта мнимая благопристойность олигархов типа Квашнина.

– Только недавно вышел облом, – продолжил Свежевский, облизнув губы. – Любовница Квашнина от него сбежала. И не куда-нибудь, в Китай! Сейчас ведь повсюду китайцы. Они всем заправляют. Ну и приехала в Москву делегация, подписывать договор о сотрудничестве. Квашнин, понятно, позвал их в гости. А там все по-семейному: он с женой и детишками, любовница с супругом. Квашнин расслабился и упустил момент, когда его любовница с главным китайцем договорились. При расставании мистер Вау Мяу подозрительно долго жал Василию Дмитриевичу руку, словно горячо за что-то благодарил. Провожать китайцев в аэропорт Квашнин не

поехал. А на следующий день узнал, что вместе с Вау Мяу улетела в Сингапур и его длинноногая красотка. Услада тела и души, – Свежевский противно хихикнул.

«Да он пьян», – с неприязнью подумал Бобров. – «Все что он несет – пьяный бред, не более».

– Сингапур не в Китае, Стас, – напомнил он Свежевскому. – В Китае Гонконг.

– Да? А по мне, так все едино.

– Наверняка эта история высосана из пальца, – поморщился Бобров.

– Не скажи, – возразил Свежевский. – Я точно знаю, что Квашнин сейчас в активном поиске.

– Новой любовницы?

– Ну да.

– Господи, сколько же у него денег? – с завистью вздохнула Анна Афанасьевна.

И все невольно примолкли. Бобров почувствовал, что в саду уже не пахнет сиренью. Здесь пахнет новенькими долларами, которые привезет с собой Квашнин. Хотя, зачем ему в Чацке доллары? Он привезет рубли.

– Квашнин приедет на поезде, – возбужденно сказал Свежевский. – В вагоне СВ, разумеется. В отдельном купе. Вместе с ним приедет повар. Тоже в отдельном купе.

– Повар? – удивленно спросила Нина.

– Ну да, повар, – важно сказал Свежевский. – А водитель Квашнина пригонит сюда машину для разъездов. Прямо к поезду пригонит. Мне срочно надо снять квартиру рядом с гостиницей для повара и водителя, – озабоченно сказал он.

– Это вся его свита, или в каждом купе вагона СВ едет кто-нибудь из obsługi? – с иронией спросил Бобров. – Впрочем, холуев хватает и здесь, – и он, резко развернувшись, пошел к лестнице. Ему захотелось спуститься в сад. Бобров хотел вернуться на полчаса назад и остановить это мгновение. Когда пел соловей, и Нина еще считалась невестой Андрея Боброва.

Нина пошла, было за ним, но ее окликнула мать. Они возбужденно о чем-то заговорили. Бобров понял, что его женитьба на Нине откладывается. И у него пропала охота делать ей предложение, и она не готова была сейчас ответить.

По любому в честь приезда Квашнина в банке устроят корпоратив. И Нина, как Мисс Чацк будет на нем присутствовать. По слухам Квашнин любит окружать себя хорошеньким женщинами. Нина – ближайшая родственница аж двух сотрудников банка. Приглашение ей всяко достанут. Если даже его не будет, она еще до корпоратива найдет возможность познакомиться с Квашниным на глаза.

Боброву стало не по себе. Они здесь все продажные. И отец Нины, и ее мать, и сестры. И сама она продажная. Что уж говорить о Миллере и Свежевском! Боброву стало горько.

– Андрей? Ты здесь?

Сначала ему показалось, что это Нина. Но это была Бетси. Голоса у сестер были удивительно похожи. Бобров не хотел откликаться, но Бетси уже шла к нему.

– Хочешь выпить? – спросила она и протянула ему бутылку коньяка. В другой руке у Бетси оказался пластиковый стаканчик.

– Коньяк? Боже, да это «Мартель»! Откуда? – вяло удивился Бобров.

– Подарили. Я ведь занимаюсь репетиторством, – слава богу, в темноте не было видно, что Бетси улыбается. Сейчас Бобров ее почти любил.

– Наливай, – кивнул он.

– Ты обиделся, да? Не стоит. Нина еще ребенок.

– Я сегодня готов был на ней жениться, – горько сказал Бобров, отхлебывая коньяк.

– Не подумай, что ревную, но ты не будешь с ней счастлив, – тихо сказала Бетси.

– А так я вообще никогда не буду счастлив. Разве не заслужил я хотя бы минуту-две? Уж в первую брачную ночь я точно был бы счастлив, – уверенно сказал Бобров.

Бетси тихонько вздохнула.

– Дай и мне, – попросила она, и Бобров, молча, протянул ей бутылку.

– Как вы все не понимаете, – с надрывом сказал он. – В банке воруют деньги из ячеек. И Квашнин едет, чтобы все это прекратить. Он умен, у него есть этот его повар. Кто его знает, что это за повар? Наверняка спец из безопасности. Вора вычислят и накажут. А ты уверена, Лиза, что это не твой отец?

Он почувствовал в темноте, как Бетси вздрогнула.

– Но в нашей жизни за этот год ничего не изменилось, – поспешно сказала она. – Мы не делали дорогих покупок.

– Выжидает. К пенсии готовится. В последнее время отец не говорил ничего такого? Мол, хорошо было бы уехать. Поселиться в домике у моря.

– Было, – призналась Бетси. – Папа грезит Крымом. Расхваливает тамошний климат, изучает цены на недвижимость.

– Вот видишь! А вы, как дети, радуетесь, что в Чацк едет Квашнин!

Они и не заметили, как выпили бутылку коньяка. Бобров опьянел и дал Бетси отвести себя в террасу, где ему было постелено вместе с Миллером и Свежевским. Нина брезгливо сморщила носик, увидев, что Бобров пьян, как сапожник. Но ему уже было все равно. В момент, когда соловьиную трель оборвал телефонный звонок, и в Боброве что-то оборвалось. Его надежды на счастье рухнули.

Он в ужасе думал, что все окончательно запуталось. Принесет ли Нина себя в жертву? А если она этого и хочет? Вон у нее как глаза загорелись при слове Барвиха!

Да неужели же это Зиненко ворует деньги у клиентов банка? Тогда его быстро вычислят. Если, конечно, ему не помочь.

Глава 4

Московский поезд приходил в Чацк утром, в половине десятого. Уже в девять вокзал был полон. Банк «Счастливый» сегодня открывался только в полдень, о чем клиентов оповещало объявление на входной двери.

Сергей Валерьевич Шелковников почему-то решил, что как вы лодку назовете, так она и поплывет. И торжественная встреча с помпой, чуть ли не с оркестром смягчит Квашнина. Медные трубы пропоют «Славься вовеки, наш солнцеликий», Мартин отчитается о делах в чацком филиале, так, как он это умеет. Скрыв промахи и подчеркнув успехи, сколь бы малы они не были. Квашнину покажут город, в котором он никогда еще не был. Черный «Майбах», который уже стоял у вокзала, шокируя аборигенов, проедет по главной улице Чацка в сопровождении почетного эскорта. Все сотрудники банка, у которых были машины, приехали на вокзал на них. Так и губернатора области не встречали.

Квашнин отобедает в обществе руководства банка, потом отдохнет, и вечером в честь важного гостя будет дан банкет. Ресторан, лучший в Чацке уже заказан. Ну а завтра довольный приемом Василий Дмитриевич займется делами. Но впечатление о городе и о руководстве чацкого филиала банка «Счастливый» уже будет составлено. Оно, руководство, сделало все возможное, чтобы кражи из ячеек предотвратить.

В общем, типичная провинциальная логика, которая с москвичами не работает, как скептически думал Бобров. Они могут сегодня сидеть с человеком за одним столом, называя его лучшим другом, а завтра написать на этого друга донос, коли будет личная выгода. И Бобров с горечью вспоминал Карена. Москва – это город беспринципных, которые, единственные, здесь процветают. А если они у тебя сохранились, эти принципы, то тебя быстренько выпихнут в какой-нибудь Чацк.

Тем не менее, сам Бобров на вокзал тоже приехал. Его машина стояла на парковке, вымытая и отполированная до блеска. Ему было стыдно, что он такой же холуй, как и все, и тоже хочет увидеть легендарного Квашнина. Быть может, попасться ему на глаза и заработать пару очков. Квашнин об Андрее Боброве наверняка наслышан, от того же Карена. А вдруг захочет вернуть в Москву? Боброва жег стыд за то, что он так думал, но на вокзал он все-таки приехал. Вернуться в Москву было его заветным желанием, после того, как женитьба на Нине не состоялась. Теперь Бобров хотел убежать от нее, и от проблем, связанных с Чацком.

Последним на вокзал приехал Мартин. Он, единственный, был невозмутим. Более того, на его обезьяньем лице застыла презрительная гримаса. Мартин, как от мухи, отмахнулся от кинувшегося к нему Шелковникова и направился напрямик в буфет.

– Мартин, ну так как? – умоляюще сложил руки директор банка. Холеное лицо Шелковникова было бледно от страха, губы тряслись. – Готов наш отчет? – и он угодливо забежал перед Мартином, умоляюще заглядывая в его ледяные голубые глаза.

– Не суетись, Сережа, – Мартин брезгливо оглядел пыльную витрину и спросил у буфетчицы: – Пиво есть?

– Ты собираешься пить, зная, что весь день придется быть с Квашниным?! – пришел в ужас Шелковников. – Мартин, я тебя умоляю!

Никто не звал Мартина по имени: Андрей Борисович. Он был настолько велик, что не нуждался в этом.

– Кружку «Жигулевского», – скомандовал Мартин, не обращая никакого внимания на стенающего директора банка. – Вы все идиоты, – изрек он, и придвинул к себе пиво. – На ... ему ваш отчет. Ему надо знать, кто ворует деньги. Ему губернатор позвонил. А тому Шамсутдинов. Да не суетись ты, – осадил он вскинувшегося, было, Шелковникова, – Готов отчет. Только я

готов спорить на штуку баксов, что Квашнин его даже читать не станет. Будешь держать пари? – и он в упор посмотрел на директора банка.

– В Чацке не найдется глупца, который стал бы с тобой спорить на деньги, – пробормотал тот. – Потому что ты всегда выигрываешь.

– Вот и не суетись, – и Мартин принялся за пиво.

Бобров невольно пришел в восхищение. Вот человек! С его талантами мог бы и в Москве преуспеть! Ведь он финансовый гений! И выдержка железная. Он, единственный, никого и ничего не боится. Всех можно заменить, кроме Мартина. А он торчит в Чацке. Человек-загадка. Никто и никогда не видел его по вечерам. Нигде. Такое ощущение, что Мартин оборотень, который с наступлением темноты превращается в вурдалака и идет ночевать на кладбище. Или еще в кого-нибудь. Может, в будущее перемещается. Изобрел машину времени, и ночи напролет шастает из эпохи в эпоху. Ему все одно, что Москва, что Чацк. К его услугам новые миры!

И тут Бобров увидел в окно Нину, которая вместе с матерью и отцом прогуливалась по перрону. Тут же была и Шурочка. Но ее присутствие как раз было понятно: она работает в банке. А вот что здесь делает Нина, у которой началась весенняя сессия? Она должна сейчас сдавать зачет, или готовиться к нему. Вместо этого Нина приехала на вокзал.

«Торопится попасться Квашнину на глаза. Кто знает, сколько времени он пробудет в Чацке? Вот Зиненки и суетятся», – с неприязнью подумал Бобров.

После того, как он в субботу напился, они с Ниной были в ссоре. Наутро, когда Бобров продрал, наконец, глаза, и вышел на веранду, чтобы выпить кофе, его там встретила только Бетси. Которая ласково спросила:

– Проснулся? Тебе только кофе или ты будешь завтракать? Могу приготовить омлет, – с готовностью сказала она.

– Спасибо, не надо. Только кофе. А где все?

– На речку пошли.

– Купаться?! Так ведь вода еще не прогрелась!

– Мама в огороде, папа в саду, прибирается. Стас с утра пораньше поехал по квартирному вопросу Квашнина. Ему в семь позвонили. А Шурочка с Олегом решили прогуляться к реке.

– А Нина? – осторожно спросил Бобров.

– За ней заехали Протопоповы. Зина попросила мою сестренку оценить свадебное платье.

– Почему меня не разбудили? – ревниво спросил Бобров. – Я бы тоже поехал.

– К портнихе? Андрей, ты что, совсем ничего не помнишь? – с жалостью посмотрела на него Бетси.

Сейчас, когда у нее были печальные глаза, она казалась почти хорошенькой.

– Я ей нахамил, да?

Бетси вздохнула. Бобров одним глотком допил кофе.

– Мне надо ехать, – сказал он с трудом. Голова гудела, во рту было сухо, язык еле ворочался.

– С тобой все будет в порядке? – внимательно посмотрела на него Бетси. – Если хочешь, то я...

– Не надо, Лиза, – Бобров посмотрел на нее с жалостью. Он давно обо всем догадывался, но дружба не может заменить любовь. Она вообще ничто не может заменить, дружба это чистый продукт, который ни с чем нельзя мешать. Иначе он превращается в яд.

Весь день Бобров тщетно пытался дозвониться до Нины. Та или сбрасывала его звонок, или была недоступна. И вот он увидел ее в окно, сидя на вокзале. Куда приехал вместе со всеми встречать Квашнина. И решил все выяснить. В каких они теперь отношениях? Это разрыв или как?

Первой его опять-таки заметила Анна Афанасьевна. Которая сказала:

– Нина, Андрюша пришел.

Бобров понял, что его все еще держат «про запас». Нина может Квашнину и не понравиться. В Москве хватает красавиц, и все они уже успели в столице пообтесаться. Квашнин, который находится в активном поиске, может просто-напросто взять любой глянцевого журнала и ткнуть в него пальцем. И его с понравившейся девушкой сведут. Или зайти в Инстаграм, где полно такого рода предложений.

Увидев Боброва, Нина сделала вид, что надулась. В искренность ее чувств Бобров не верил. Девушка, которая пришла на вокзал, чтобы попытаться продать себя мультимиллионеру, не может обижаться. Она со своими лучшими чувствами уже договорилась. У них есть цена: у стыдливости, целомудренности, разборчивости, в общем, у всех, без исключения. Нина и разоделась, как продажная женщина: в мини-юбку, кофточку с глубоким декольте, и туфли были на каблуках. Если раньше их разница в росте была почти незаметна, то теперь Бобров оказался ниже Нины на полголовы. И почувствовал себя униженным. И накрашена Нина была, как для ужина в ресторане. Ей это не шло. А, может, она и пришла сюда в таком виде, рассчитывая на приглашение в ресторан?

– Привет, – вымученно улыбнулся Бобров. И кивнул на киоск с мороженым: – отойдем?

– Нам не о чем говорить! – вскинула подбородок Нина.

– Можешь объяснить, чем я уж так тебя обидел? – тихо спросил Бобров. У него до сих пор болела голова.

– Ты даже не помнишь, что было! Надо же так напиться!

– С мужчинами это случается, – пробормотал Бобров. Нина, похоже, пыталась устроить ему сцену.

– Я знаю, на что ты обиделся! – сверкнула глазами Нина. – Тебя задело то, что все мы восхищались Квашниным. Он преуспел, а ты нет. И ты ему завидуешь.

– Я слишком мало его знаю, чтобы завидовать, – не удержался Бобров.

– Нет, ты завидуешь! Тебя вынудили уехать из Москвы! И ты поехал!

– Ты хочешь, сказать, что я трус? – Бобров похолодел.

Нина интуитивно поняла, что сказала лишнее, и пошла на попятную:

– Ты странный человек, Андрей. Я никак не могу тебя понять. Ты сам не знаешь, чего хочешь.

– А ты знаешь? – он в упор посмотрел на Нину.

– Я обычная женщина. И хочу того же, чего и все: дом, семью. Детей хочу. И не хочу считать копейки. Да, не хочу! И что в этом такого ужасного?

– То есть, ты хочешь не просто дом, а дом, полную чашу? Не просто мужа, а мужа успешного? Не просто детей, а *лучших детей*? – подчеркнул Бобров. – Чтобы все сказали: Нина Зиненко с детства была лучшей, и она получила все самое лучшее. Полностью оправдала наши надежды. Вот чего ты больше всего боишься: не оправдать надежды своих родителей и земляков. Ты слишком на виду. Ты, можно сказать, знамя Чацка. Тебе нельзя упасть в грязь. Скажи, ты видела Квашнина? – внезапно спросил он.

– Видела фото в Инете.

Бобров расхохотался.

– Твой энтузиазм угаснет, как только вы окажитесь лицом к лицу. До сих пор к тебе относились с уважением.

– Мне постоянно делали грязные намеки! – вспыхнула Нина.

– А ты, зная себе цену, ждала предложения, от которого невозможно отказаться. Что ж... Решай сейчас. Когда ты снова постучишься в мою дверь, я тебе не открою, учти. Я тебя предупредил.

– Да что ты о себе возомнил! – вскипела Нина. – Ты...

Ее слова заглушил гудок: поезд, на котором ехал Квашнин, подплывал к Чацкому вокзалу. Услышав гудок, Нина с Бобровым инстинктивно друг от друга отпрянули. Бобров понял, что не след в одиночку стоять на перроне и поспешил смешаться с другими сотрудниками банка, которые, услышав гудок, дружно высыпали на улицу.

Нина одернула юбку и, напротив, сделала пару шагов вперед. Бобров посмотрел на нее с жалостью. Теория теорией, а практика практикой. Порядочной девушке не так-то просто себя продать. Особенно такому уроду, как Квашнин. Нина в любом случае погибнет, вопрос, где останется существовать ее опустевшая оболочка, здесь, в Чацке, или в Москве? Станет Нина пить или подсядет на кокаин? А, может, просто, забудется бесконечным шопингом, переселившись в бесчисленные зеркала, отражающие ее пустые глаза и безупречную фигуру?

Все это Бобров успел подумать, пока поезд сбавлял ход, сегодня как-то особенно торжественно и плавно. Едва локомотив остановился, к вагону СВ кинулся Шелковников. За ним, не спеша, двинулся Мартин. Кроме них в вагон никто не зашел...

Квашнин ждал их в купе, дверь которого была распахнута. Кроме него в вагоне СВ никого больше не было. Поскольку все купе занимал огромный Квашнин, Шелковников и Мартин остались стоять в проходе. Какое-то время Квашнин, молча на них, смотрел, потом также молча, кивнул.

– С приездом, Василий Дмитриевич, – угодливо сказал Шелковников.

– Здесь тепло, холодно? – отрывисто спросил Квашнин.

Он был в костюме, сто процентов сшитом на заказ. Квашнин был невероятно толст, узел галстука упирался в жирный подбородок с тройной складкой, живот казался необъятным. Коротко стриженные рыжие волосы полностью открывали оттопыренные, усыпанные веснушками уши. Щеки тоже были усыпаны веснушками. Кожа у Квашнина была бледная, нездорового вида. По всем признакам у него был сахарный диабет. Он смотрел в окно поверх плеча Шелковникова. И спрашивал про погоду.

– Тепло, Василий Дмитриевич, – хихикнул Шелковников. – Вы нам солнышко из Москвы привезли.

Квашнин перевел взгляд на стоящего за его плечом Мартина и спросил:

– Как у нас дела?

Тот оттер тощим плечом Шелковникова и, шагнув в купе, протянул Квашнину тоненькую папку. Тот с безразличным видом взял ее, вздохнул и посмотрел на дверь. Шелковников с Мартиным посторонились, и Квашнин в два шага очутился у окна. Роста он был огромного. Теперь директор банка и его зам оказались в купе, а Квашнин уставился на раскинувшийся за окном разлапистый Чацкий вокзал, похожий на беспородную дворнягу. Осыпавшаяся местами штукатурка, словно выстриженная лишаем шерсть, слезящиеся глаза окон с бельмами грязи и покорность судьбе. И вдруг в полусонном взгляде Квашнина впервые появился интерес.

Мартин принялся на память бубнить цифры, которые были в папке.

– Кто эта девочка? – внезапно прервал его Квашнин.

Шелковников сунулся к окну и с явным облегчением от того, что может ответить на заданный вопрос, потому что он не касается банковских дел, сказал:

– А, это Нина Зиненко, дочь нашего старшего экономиста.

– Хорошенькая.

Мартин опять забубнил, Шелковников незаметно вытер выступивший на лбу пот. Квашнин, не отрываясь, смотрел в окно.

– Как говоришь, ее зовут? Нина? – опять перебил он Мартина.

– Да, – кивнул Шелковников. – Вечером будет банкет, и она...

– Тоже будет там? – живо обернулся к нему Квашнин.

Он словно проснулся.

– Поскольку ее отец и сестра работают в нашем банке... – Шелковников замялся, подбирая слова. Надо же, чтобы все выглядело пристойно, а не как сводничество. – К тому же Нина – Мисс Чацк.

– Как-как?! Мисс Чацк?! – Квашнин гулко расхохотался. – Ладно, идем, – сказал он, вытерев выступившие от смеха слезы, и сунул папку с отчетом, которую так и не открыл, Шелковникову. Мартин посмотрел на директора банка с усмешкой: а я что говорил?

Народ, стоящий на перроне, замер, увидев появившуюся в дверях вагона слоновью тушу. Никто не видел Квашнина воочию и даже не представлял себе, что он так огромен. Возникла пауза, во время которой к подножке, по которой медленно, подолгу задерживаясь на каждой ступеньке, начал спускаться на перрон Квашнин, подскочил маленький юркий человечек. Он был похож на крысу, и рядом с гигантом Квашниным казался незаметным. Тем не менее, Квашнин сначала посмотрел на него, и, уловив какой-то им одним понятный знак, ступил, наконец, на перрон.

Взгляд его снова сделался сонным. Он смотрел на толпу собравшихся ради него людей, и, казалось, никого не замечал. Равнодушно ответил на приветствия, одним кивком, общим для всех, и сморщился, глядя на выщерблены в асфальте. Весной дороги в Чацке, и вообще, весь переживший зиму асфальт оставляли желать лучшего.

– Дыра, – вздохнул Квашнин и направился к выходу, у которого его ждал «Майбах» с персональным водителем.

Народ почтительно расступился. Квашнин шествовал по Чацкому вокзалу, как идол, не меняя выражения лица, которое словно застыло в презрительной гримасе. Бобров заметил качнувшуюся вперед Нину и ее огромные глаза. Ужас, смешанный с благоговением. Ведь по перрону нищего провинциального Чацка шел долларовый мультимиллионер! Владелец особняка в Барвихе и яхты в Венеции! Но он был так уродлив с этими своими веснушками, толстой шеей и огромным животом. Чудовище, у которого в кармане лежали ключи от Нининого рая, и которое, увы, так и не превратится в прекрасного принца, сколько его не целуй. К тому же Василий Дмитриевич выглядел на свой возраст, а было ему за пятьдесят. Нина, которой недавно исполнилось двадцать, и которая берегла себя, как она думала, для Боброва, невольно пришла в ужас от одной только мысли, что это чудовище приблизится к ней. Но назад дороги не было.

Бобров невольно втянул голову в плечи. Ему было стыдно за всех людей, собравшихся здесь, за Нину, за Шелковникова, обычно такого важного, а сегодня похожего на провинившегося школьника. Да что они все знают о Квашнине?! В Москве он один из многих, есть люди и побогаче, не говоря уже о влиянии. Но здесь, в Чацке, таких нет вообще.

В «Майбах» вместе с Квашниным и бессловесным человечком-крысой сели Шелковников и Мартин. Последний с явной неохотой, но Квашнин обращался большей частью к нему.

– В гостиницу, – велел Квашнин, и Шелковников не посмел спорить.

Достопримечательности Чацка они покажут важному гостю позже.

– А почему за нами едет столько машин? – недовольно спросил Квашнин.

– Сотрудники банка почли за честь нас сопровождать, Василий Дмитриевич, – угодливо сказал Шелковников.

Мартин сморщил обезьянье лицо, что обозначало улыбку.

– Их слишком много. А кто остался в банке?

– Мы еще не открылись, поэтому все здесь, – Шелковников уже понял, что сделал глупость.

– Вы что, идиот? – развернулся к нему всей тушей Квашнин. – Немедленно всех вернуть! Отправить на работу! И вы тоже туда езжайте! Петя, останови.

«Майбах» плавно затормозил.

– Все – в банк, – тихо, но голосом, в котором звенел металл, отчеканил Квашнин. – Я тоже там буду через два часа. До вечера уйма времени. Начнем сегодня же, – жестко сказал он.

– А как же банкет? – умирающим голосом спросил Шелковников, который трясся от страха. Он уже понял, что может потерять должность. – Отменить?

– Зачем же отменять? – Квашнин внезапно смягчился. – Я хочу выступить перед работниками банка с речью. Пусть послушают, им полезно. И эта пусть там будет. Как ее? Э-э-э... Нина.

Шелковников с Мартином вышли из черного «Майбаха» прямо на обочину, где их подобрал водитель служебной машины. В отель на своем стареньком «Ниссане» поехал только Свежевский, опережая «Майбах» Квашнина. Остальные отправились в банк.

– Всем занять свои рабочие места, – срывающимся голосом скомандовал Шелковников. Руки у него тряслись.

– Не ссы, Сережа, – хлопнул его по плечу Мартин. – Не все так ужасно. А, молодец, мужик, – неожиданно похвалил он Квашнина. – Хватка есть. С воришкой он разделается быстро. Недолго тому осталось.

В операционном зале, где сотрудники ждали указаний шефа, наступила гробовая тишина. Для кого-то из них, действительно, повеяло могильным холодом. Запустился обратный отсчет, потому что, высадив из машины местных, Квашнин повернулся к человечку-крысе:

– Что скажешь, Ленчик?

– Дело на три дня, Василий Дмитриевич, – уверенно сказал тот.

– А ты не торопись, – улыбнулся Квашнин. – Я хочу развлечься.

Глава 5

На следующий день по Чацку поползли слухи. Обсуждали вчерашний банкет. Пышные свадьбы и помпезные юбилеи в городе случались, но еще ни разу не было такого в понедельник. Чтобы человек сорок гуляли ночь напролет в лучшем Чацком ресторане в самом начале рабочей недели. В тихом, провинциальном, забитом Чацке так было не принято. Поэтому наутро город взорвался сплетнями. О банкете говорили на улицах, в магазинах, на рынке у автовокзала, который в городе назывался «Пятачок» и работал без выходных, судачили по телефону.

Мол, руководство банка разошлось уже к полуночи, включая и самого Квашнина. Но поскольку банкет был щедро оплачен, рядовые сотрудники засиделись до утра, невзирая на то, что наступил вторник и всем к девяти было на работу. Потому что многим грозило работу эту потерять. После проверки все ожидали масштабную чистку. Показатели в «Счастливом» были не очень, но все сходило с рук, пока Чацкий филиал не привлек внимание головного офиса, и вопрос о краже из ячеек не обсудили на внеочередном заседании Правления. Теперь вместе с вором полетят и головы тех, кто просто работал не так хорошо, как руководству хотелось бы. Так отчего не гульнуть напоследок?

Бобров ушел одним из первых, чуть ли не вместе с Шелковниковым и Мартином. Андрею невыносимо было смотреть, как Нина через силу улыбается сидящему рядом Квашнину, чья огромная рука то и дело соскальзывает со стола на ее бедро, и Нина изо всех сил держится, чтобы не напиться. Она еще не привыкла к своеобразной внешности Василия Дмитриевича, а говорить им было не о чем. Нине оставалось только слушать. Она не смела, встать и уйти, Квашнин ее подавлял. Сразу предложил ей стать «хозяйкой бала» и произнес тост за Нинину неземную красоту. Тост был хорош, Квашнин оказался прекрасным оратором. Весь вечер он развлекал Нину рассказами об отдыхе миллионеров, небрежно, роняя: «Сан-Тропе», «шли на яхте на Санторини», «А в Ницце прошлым летом было прохладно», «на Сейшелах красиво, но не так, как на Мальдивах». Словно зная, чем Нину можно поразить. И ведь угадал! Она жадно ловила каждое слово.

Бобров не хотел знать, чем все это закончится. Уступит Нина Квашнину сразу, или в ней еще борются лучшие чувства с худшими? Бобров-то понимал, что если Василий Дмитриевич очень уж быстро добьется своего, Нину он с собой в Москву не возьмет. Отсюда и напор: Ницца, Сан-Тропе... Кинул блесенку, на авось. Проверить, насколько рыбка глупа. И как велики ее аппетиты. Если глупа, так ей не место в окружении Квашнина. Недельный роман, щедрый подарок при расставании, а дальше, девочка, как знаешь. В лучшем случае, я не уволю твоего отца, если он, конечно, не имеет отношение к кражам. Папа твой спокойно доработает до пенсии, я дам соответствующие распоряжения. А уж если причастен...

Бобров при этой мысли холодел. Если вор – Зиненко, участь его домочадцев незавидна. Это позор, Чацк – город маленький. Прощай вечера в саду, прощай, Нинина корона первой красавицы. Чацк уже обсуждает ее роман с Квашниным. Все уверены, что Нина уступит. И какая ты после этого мисс? Ты шлюха. После этого только в Москву, с Квашниным, или просто исчезнуть. Вот почему Бобров боялся, что Нина погибнет. Она сама не понимает, какую опасную игру затеяла. Нина девочка еще, и к тому же провинциалка. Бобров с жалостью думал, что когда придется ее спасать, он не сможет преодолеть брезгливость. Его всегда будет преследовать эта картина: голая Нина лежит под тушей, усыпанной веснушками, и стискивает зубы, чтобы не кричать от ужаса. А туша урчит от наслаждения, лапает заветные родинки, и извергает в Нину свое семя. Тихий плач в душевой кабине, не дай бог услышит Квашнин. И жалкий взгляд поутру, когда он недвусмысленно намекнет, что девушке пора. И протянет деньги.

Бобров содрогался и прогонял видение прочь.

Утром во вторник он лежал в постели и прокручивал события вчерашнего дня. Внутренний барометр распространял по всему телу Боброва могильный холод. Бобров почти уже не справлялся с эмоциями. Вот-вот грянет...

Они появились в банке вскоре после полудня: Квашнин и человечек, похожий на крысу. Прошли в кабинет Шелковникова, вызвали туда Протопопова. Через полчаса выставили и Протопопова и самого Шелковникова из директорского кабинета, и заперлись там вдвоем. Бобров понял, что Квашнин с «поваром» изучают записи с видеокамер. Работали они плотно, до шести. Обед им принесли в кабинет, и «повару» тоже.

«Кто?» – холодел Бобров. Нервничали все. Кроме, пожалуй, оборотня Мартина, который мог «ускользнуть в будущее», и в случае чего, его бы там никто не нашел. Ни его, ни деньги. Зато Свежевский был сам не свой. Ему велели быть на работе, несмотря на то, что на нем висела организация банкета. Свежевский не расставался с телефоном, но в то же время боялся покидать надолго свое рабочее место. Квашнин был непредсказуем. В пять он вызвал к себе главного бухгалтера. Через полчаса Протопопова. Потом... Григория Зиненко! В шесть, наконец, кошмар закончился, потому что из директорского кабинета вышел Квашнин и к банковскому крыльцу тут же подали «Майбах».

И только Бобров отметил, что «повар» остался изучать записи с видеокамер. Похоже, до чего-то они там, в директорском кабинете додумались, потому что на банкете Квашнин сказал:

– Никому не позволено порочить репутацию банка. Меры будут приняты самые жесткие. Мало того, что вор вернет все до копейки. Он получит срок, после того, как дело будет передано в суд, и срок этот будет максимальным. Я лично об этом позабочусь. А до суда будет максимальный прессинг. Так что я предлагаю явку с повинной. В этом случае прессинга не будет, будет просто тюремное заключение, на общих основаниях. И возможность выйти по УДО. Предложение я делаю только один раз, прошу это отметить. Я знаю, что вор здесь, в этом зале, – он взял паузу и обвел глазами присутствующих.

Все помертвели. Бобров и сам не знал, как бы он поступил, будучи вором. Встал бы и сказал «это я»? Потому что Квашнин давил, мало того, откровенно запугивал. Но вор не поддался, и не сделал признание тут же, в банкетном зале. Бобров подумал, что вор мало того умен, у него еще и железные нервы. Как потом оказалось, Бобров ошибся, но в этот момент он, как и все, неверно оценил ситуацию.

– Ну, как угодно, – пожал жирными покатыми плечами Квашнин и сел на свое место, рядом с Ниной. Уже по-хозяйски положил свою лапищу на ее бедро и легонько сжал пальцы. Бобров заметил, как Нина вздрогнула.

Квашнин с видом знатока ощупывал ее тело, словно прикидывая: сколько дать? Когда Нина встала, Бобров отвел глаза. Она вышла, видимо, в дамскую комнату, и следом из банкетного зала вышел Квашнин.

Вернулись они быстро, первой, сверкая глазами, шла раскрасневшаяся, растрепанная Нина. Вечернее платье висело на одной бретельке, вторая оторвалась. Нина вся дрожала, и вид у нее был обиженный. Бобров понял: не договорились. Хотя у дверей дамской комнаты предусмотрительно встала охрана. Никто бы Квашнину не помешал. Не посмел. Но, видимо, рассказ о приключениях на Лазурном берегу не сработал, Нина хотела чего-то более существенного.

Квашнин вскоре уехал в гостиницу, один, в своем черном «Майбахе». Бобров, проходя мимо поникшей Нины, услышал, как Свежевский с гадкой усмешкой сказал ей:

– Чего ломаешься, дура?

Нина вспыхнула и встала. Они с Бобровым встретились взглядами. Он тоже хотел сказать ей что-то злое, но не смог. На Нину и без того было жалко смотреть. Видимо, там, в женском туалете, ее впервые в жизни унизили. Это ее-то! Коронованную принцессу Чацка! Гордячку и самую желанную невесту!

Бобров увидел, как Нина почти бежит к застывшему над рюмкой водки отцу, словно пытаясь найти у него защиту. И подумал: «Надо вызвать Зиненкам такси». Но потом спохватился: «Я-то здесь причем? Нина больше не моя забота».

И вышел на улицу. Ресторан находился в центре, так что до дома Боброву было недалеко. Он пошел пешком, то и дело, поднимая голову и разглядывая звезды. Они сегодня были невыносимо яркие, можно сказать агрессивные. Словно бы на небе загодя развесили сигнализацию, предупреждающую об опасности, и она сработала. Бобров то и дело морщился и раскладывал волосы. Сегодня не договорились – договорятся завтра.

Когда у него потом выпытывали раскадровку той роковой ночи, Бобров отвечал то же, что и все:

– Не помню, я был пьян.

Они все в ту ночь напились. По разным причинам. Одни от страха, другие потому что халява, сам Бобров напился с горя. Никто ни за кем не следил, разве что Нина все время была на виду. Но ее никто и не подозревал.

Бобров закрывал глаза, пытаясь вспомнить, что такого было необычного в ту ночь? Кто уходил из ресторана, и когда? Покурить на улицу выходили все, ночь была хоть и майская, но ясная и теплая. Если не покурить, то освежиться. Посплетничать. Всех занимала интрижка Нины и Квашнина. Кто-то пытался зайти в женский туалет, и его не пустила охрана. Свежевский видел, как оттуда, чуть не плача, выскочила Нина, придерживая сползающее платье, и со своей гаденькой усмешкой рассказывал, как в распахнутую дверь он рассматривал застегивающего брюки Квашнина. Его хозяйство.

«Дала, не дала?» – гадали все. И даже спорили. Тогда всем казалось, что это событие дня, почему никто так и не смог толком ответить ни на один вопрос следователя по поводу той банкетной ночи.

– Пьяный был, не помню. Квашнин зажал в туалете Нинку Зиненко, это помню.

А грязные слухи по Чацку упорно ползли. Василия Дмитриевича идентифицировали в ювелирном магазине, куда он зашел в два часа дня. У магазина нахально торчал черный «Майбах», занимая чуть ли не всю парковку. Потом Квашнин заехал к цветочнице. И, наконец, черный «Майбах» обнаружился в Шепетовке, у домика Зиненок.

Казалось, Квашнина перестали занимать кражи в его банке. Хотя потом выяснилось, что этот робот, заключенный в уродливое человеческое тело просчитал ситуацию в первый же день. И передал по эстафете: работайте.

Но вор сработал на опережение, о чем во вторник еще никто не знал. Поэтому Квашнин, рассчитывая уложиться в неделю, осаждал несговорчивую Нину Зиненко, приготовив весомые аргументы: кольцо с рубинами и бриллиантами и сто одну красную розу. Цветочниц, он, похоже, объехал в Чацке чуть ли не всех, чтобы собрать эти розы.

Нина праздновала маленькую победу. Она, дурочка, так ничего и не поняла. А Квашнин и ее просчитал. Понял, что Нина еще девственница, и резко повысил ставку. Теперь он знал, за что платит, и заявился к Зиненкам, оценить обстановку. И кто знает, что бы случилось, если бы Квашнин надолго в Чацке не задержался? А ему пришлось задержаться после того, как в банк «Счастливый» нагрянула полиция. И сор из избы вынесли они.

Все настолько запуталось, что в голове у Квашнина словно сработал переключатель. После чего интрижка с Ниной стала разрастаться, как раковая опухоль и дала метастазы. Машина зависла, и Квашнина, как обухом по голове, ударила весна. Он, живущий в гигантском мегаполисе и с утра до вечера занятый решением неотложных дел, давно уже перестал замечать смену времен года. Он забыл и звуки весны, и ее запахи. И вдруг он словно споткнулся. У него появилось свободное время. Он увидел рядом прелестную девушку, невинную, пронзительно чуткую, по-весеннему свежую, а не потасканную в чужих постелях, и незаслуженно им обиженную. В нем неожиданно обнаружилась мягкость, несвойственная людям его поло-

жения. Правда, распространялось это только на Нину. Квашнин перестал ее помогать, и все-рьез принялся ухаживать. Тем более, ему необходимо было отвлечься.

Когда пришла полиция, Квашнина в банке не было, он был у Зиненок. Был Бобров, был Мартин, в чей кабинет временно перебрался Шелковников, был сам Шелковников. Свежевский, Миллер, Григорий Зиненко, – все они были на месте.

Следователь, предъявив служебное удостоверение, спросил директора. Опера из уголовного розыска остались в операционном зале, где по-хозяйски развалились на стульях. Мартин из своего кабинета, разумеется, не вышел. И разговор со следователем состоялся при нем. К Мартину следователь в основном и обращался, игнорируя директора. Мартина в Чацке знали.

– Нам необходимо вскрыть банковскую ячейку, – следователь обвел кабинет глазами, словно ища, где бы мог спрятаться огромный Квашнин?

– По-по-становление можно? – прокукарекал Шелковников и вопросительно посмотрел на Мартина: правильно я говорю? Тот молчал.

– Нам так уж нужны формальности? – следователь, тертый калач, придавил Шелковникова взглядом к кожаной спинке кресла.

– Но без постановления прокурора нельзя! – возмущенно сказал Шелковников.

– Да можно, если дело срочное, – хмыкнул Мартин, и перехватил взгляд следователя: – Вы можете сказать, что случилось?

– Убита женщина. У нее нашли договор аренды банковской ячейки в «Счастливом». Женщина год назад продала родительскую квартиру, деньги она хранила в ячейке. Потерпевшая нигде не работала, она, по словам соседки, жила на эти деньги. Каждый месяц заходила в банк и брала какую-то сумму. На расходы. Основная версия, которую отрабатывает следствие – это ограбление. Поэтому нам необходимо знать, сколько денег в банковской ячейке, если они там вообще есть? По непроверенным данным потерпевшая собралась покупать дачу, чтобы переехать туда на постоянное жительство, а квартиру сдавать. И заглянула в банк, чтобы забрать из ячейки деньги. Нам необходимо это проверить. У потерпевшей не было семьи. Родственники пока не нашлись. Не было и завещания. Мы вынуждены вскрыть ячейку, поскольку дело срочное. Надо установить мотив.

– Это можно, – усмехнулся Мартин. Его обезьянье лицо скривилось то ли в улыбке, то ли в саркастической усмешке.

– Да вы что?! – возмутился Шелковников. – Что скажет Василий Дмитриевич?! Вы вообще в курсе, что в Чацк приехал сам Квашнин?! – он возмущенно посмотрел на следователя.

– Кто ж не в курсе? Только ведь речь идет об убийстве. О зверском убийстве, – подчеркнул следователь. – У нас в Чацке давно такого не было. И вот приезжает *ваш*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.